

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2005

Содержание

1. А СВОБОДНЫЙ МИР НЕ РЕАГИРОВАЛ
2. КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ
ДУХОВНОЙ СВЯЗИ С РОССИЕЙ
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ, ИНТЕГРАЦИЯ
И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
5. О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА НЕ МОЛЧИМ
6. СТИХОТВОРЕНИЯ
7. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

А СВОБОДНЫЙ МИР НЕ РЕАГИРОВАЛ

Для бывшего узника Освенцима невообразимое и воистину волнующее переживание – выступить на величайшем в Европе кладбище без могил.

Невообразимое, ибо когда я, 18-летний поляк, в сентябре 1940 г. впервые стоял на лагерной поверке в Аушвице-I, будучи Schutzhaeftling'ом [заключенным] №4427, среди пяти с половиной тысяч других поляков – студентов, харцеров [польских скаутов], учителей, адвокатов, врачей, священников, офицеров польской армии, деятелей различных политических партий и профсоюзов, мне вообще не приходило в голову, что я переживу Гитлера и II Мировую войну, так же, как я себе не представлял, что Аушвиц – в виде Аушвица-Биркенау и Моновица – станет местом осуществления единственного в своем роде плана биологического истребления европейских евреев без различия пола и возраста.

В первые 15 месяцев существования этого страшного места мы, польские заключенные, были одни. Свободный мир не интересовался нашими страданиями и нашей смертью, несмотря на огромные усилия тайной лагерной организации Сопротивления, направленные на передачу сведений за проволоку.

Поздним летом 1941 г. в лагерь привезли полтора десятка тысяч пленных красноармейцев, и на них, а также на больных польских политзаключенных в сентябре 1941 г. испытали действие отравляющего газа "циклон-Б". Никто из заключенных не мог себе представить, что это только преступный эксперимент, преступная подготовка к геноциду, осуществляемому промышленными методами. Однако этому предстояло произойти в памятные 1942, 1943, 1944 годы.

Строительство газовых камер и крематориев, их налаженная работа – всего лишь технические элементы этого дьявольского предприятия. В Польше, на родной земле Давида Бен-Гуриона, Шимона Переса, Исаака Башевиса Зингера, Артура Рубинштейна, Менахема Бегина, по решению Берлина был построен центр уничтожения ненавистных евреев.

Если поляки и русские в лагере Аушвиц-Биркенау были для немцев недочеловеками, то евреев из Франции, Бельгии, Голландии, из Германии и Австрии, из стран тогдашней Югославии, из Греции, Румынии, Болгарии, Чехии и Словакии рассматривали вообще не как людей, а как вредных насекомых. Польское движение Сопротивления информировало свободный мир, било тревогу. Правительства Великобритании и США уже в последнем квартале 1942 г. вполне ориентировались в том, что происходит в Аушвице-Биркенау, в первую очередь, благодаря деятельности польского эмиссара Яна Карского, а также другими путями.

Ни одно государство в мире не отреагировало, как того требовала серьезность проблемы, на ноту министра иностранных дел польского правительства в лондонском изгнании от 10 декабря 1942 г. правительствам Объединенных Наций, призывавшую их не только осудить преступления, совершаемые немцами, и наказать преступников, но и найти способы, которые успешно воспрепятствовали бы Германии продолжать применение методов массового убийства.

Эффективных средств не нашли, да собственно и не пытались найти. А ведь в тот момент свыше половины будущих жертв были еще живы. Единственным результатом польской инициативы была короткая декларация 12 государств, опубликованная 17 декабря 1942 г. одновременно в Лондоне, Москве и Вашингтоне. В этой декларации, где, кстати, название "Аушвиц-Биркенау" не было упомянуто, правительства Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, СССР, США, Чехословакии, Югославии и Французский национальный комитет сигнализируют, что им известна страшная судьба евреев в Польше, которую гитлеровцы сделали своим главным застенком, и обещают наказать виновных в этом преступлении.

Последние оставшиеся в живых и присутствующие здесь сегодня узники Аушвица-Биркенау уже наверное не смогут почтить память жертв в следующие десятилетия. Однако они имеют право верить, что их страдания и смерть их близких обрели весомое значение для лучшего будущего всех людей в Европе и даже во всем мире, вне зависимости от их этнического происхождения или религиозного вероисповедания.

Мы хотим верить, что память о с трудом поддающейся воображению судьбе узников и жертв того места, на котором мы стоим, будет обязывать новые поколения к совместной жизни в уважении к достоинству каждого человека и активном

противостоянии проявлениям ненависти и презрения к людям, в особенности ко всяческим формам ксенофобии и антисемитизма, даже когда его мошеннически именуют антисионизмом.

Я за свою жизнь участвовал в сотнях региональных и международных юбилеев, но думаю, что такого, как этот, никогда уже не будет. Мы должны поставить себе и миру вопрос, сколько правды о страшном опыте тоталитаризма удалось нам передать младшим поколениям. Думаю, много, но все еще недостаточно. Здесь и теперь мы должны принять – как завещание уже уходящих узников – решение о создании Образовательного центра по Освенциму и Катастрофе.

Могилы заставляют каждого нормального человека задуматься. Но здесь нет могил. Значит, на месте совершения этого немыслимого преступления размышление должно преобразаться в особую ответственность, в прочную память о том, что произошло. Закончу словами из Книги Иова, равно важной для иудеев и христиан: "Земля! Не сокрой крови моей, и да не знает покоя мой вопль!"

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ КАК СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ДУХОВНОЙ СВЯЗИ С РОССИЕЙ

Думая о той духовной связи, которая соединяет ценности русских и поляков, я вспоминаю события сорокалетней давности. Будучи учащимся лицея им. Болеслава Храброго в Пётркове-Трибунальском, я не хотел вступать в две организации, носившие тогда массовый характер. Это были Союз социалистической молодежи и Общество польско-советской дружбы. В конце концов школьные власти смирились с тем, что я не буду принадлежать к социалистической молодежи, но одновременно сообщили мне, что польско-советской дружбе альтернативы нет. И мою фамилию без моего согласия включили в список официальных глашатаев польско-советской дружбы, хотя я, желая этого избежать, уже записался в Общество польско-исландской дружбы. Сорок лет спустя, когда слово "советский" уже утратило свой традиционный смысл, я рад, когда с точки зрения пастыря нахожу многие ценности, объединяющие два близких славянских народа и указывающие общие цели, важные в конкретизации метафоры о "двух легких" Европы, повторяемой Иоанном Павлом II вслед за Вячеславом Ивановым. Память об этой метафоре остается особенно важной в обстоятельствах, когда нам никак нельзя допустить, чтобы нынешняя восточная граница Евросоюза стала аналогом прежней берлинской стены.

Диалог с точки зрения культуры

Если из достояния всемирной культуры вычеркнуть шедевры русских авторов, мы оскудеем, потеряв великих классиков литературы, духовности, метафизики. Вопросы о зле, совести, вине, которые ставили герои Достоевского, возвращаются во все новых поколениях и в разных культурных кругах. Уже попытка найти на них ответ представляет собой отражение определенной концепции человека как существа этического, не останавливающегося на прагматических интересах, которые облегчают победу в биологической борьбе за существование. Эта классическая открытость русской культуры к всечеловеческим ценностям идет рука об руку с присущей Востоку высокой

оценкой духовного измерения человеческого бытия. Мы находим это как в русской монашеской традиции, показывающей важность созерцательного подхода к жизни, так и в высказываниях знаменитого режиссера Андрея Тарковского о необходимости свидетельствовать о христианской вере в современном мире. Специфика этого подхода так важна для полного развития человека, что Иоанн Павел II неоднократно повторял: долг нашего поколения – координировать функционирование "двух легких": рациональной традиции Запада и созерцательного подхода Востока.

Иной тип эмоциональности, господствующий на Востоке, играет решающую роль в специфике тамошнего подхода ко многим областям культуры – специфике, на которую Запад реагирует восхищением, сопутствующим открытию нового мира. Андре Жид, демонстрирующий во французских реалиях прямо-таки ностальгическую тоску по новой поездке в Россию, показывает эту специфику, в которой неповторимо – словно в музыке русских композиторов – сплавляются воедино размах огромных пространств, колорит славянской эмоциональности, задумчивая меланхолия размышлений над мистерией мира. Можно было бы задавать вопрос, не составит ли сегодня эта культура серьезной альтернативы культурным предложениям Запада, если бы в истории России не появились трагические по своим последствиям проекты, выдвинутые Лениным и его большевистскими продолжателями. Ленин со своей концепцией "нового советского человека" распространил на культуру идеологическое понятие классовой борьбы. Он же поручил Надежде Крупской убирать из библиотек труды классиков – Платона, Фомы Аквинского, Декарта, Канта. Горестные последствия этого подхода по сей день проявляются в общественных чувствах, особенно в позиции отрицания "гнилого Запада" и недоверия к нему.

Ленинская патология оставила неизгладимый след трагизма в русской культуре. Символом этого трагизма останутся колымские лагеря и книги Солженицына. Понятно, что в культуре Европы XX века много внимания уделяется тому варварству, символом которого остается Освенцим. Однако варварство под знаком Колымы тем более трагично, что идеологический фанатизм в нем был обращен также против своего народа и вносил понятие классового врага даже внутрь семей, связанных общностью крови и чувств. Свидетельства о тех годах, сохраненные выжившими в лагерях, должны стать горьким уроком гуманизма для всего мира. Они показывают, как легко можно преобразить прометейские мечты о

социальном освобождении в тоталитарную систему, построенную на презрении к человеческой личности. Поэтому трагический опыт России XX века несет важное обращение ко всей человеческой семье. Осознание российских драм позволяет нам лучше понять суть европейской культуры.

Ленинизм вместо диалога?

Памятуя о трагедии России в прошлом веке, легко впасть в ложное представление о современных россиянах, видя все общество духовными наследниками Солженицына или о. Александра Меня. Между тем период коммунизма оставил глубокие еще и сегодня следы в психике. Когда на Западе говорили о *homo sovieticus*'е, давая этому негативную характеристику, в России сам автор этого термина Александр Зиновьев, логик, отчасти близкий кругам диссидентов, доказывал, что Запад не способен ни понять суть русской души, ни объективно представить то, что составляет специфику российских традиций.

Такого мнения не защитишь, утверждая, что Россия нуждается в особой этике или же в собственном варианте прав человека. Зато возможен подход, при котором в иерархии ценностей смещены некоторые акценты с учетом специфики российского опыта. Помню, как после одного из интервью, которые я давал в Москве радиостанции, обращающейся в основном к интеллигенции, меня попросили, чтобы в следующем интервью я не пользовался прилагательным "экуменический". Я спросил, почему. Мне объяснили: "Многие наши слушатели считают, что этот термин прежде всего отражает политкорректность". Могу допустить, что в основе этой просьбы лежал какой-то локальный опыт: кто-то, прославляя экуменизм, сам вел себя не слишком экуменически. Я старался понять намерения моих хозяев и отнестись к ним с уважением. Однако такое уважение невозможно, когда суть русской души пытаются определять в категориях, разработанных Лениным и ленинской партией большевиков.

Только некритический оптимист мог бы ожидать, что ленинский этап окончательно миновал, не оставив заслуживающих внимания следов даже в подсознании граждан. Лично я высоко ценю роль русской интеллигенции, которая старается противодействовать культурным реликтам ленинизма. Высоко ценю представителей науки, журналистов, деятелей культуры, с которыми мне довелось встречаться в Москве и Петербурге на собраниях, посвященных преодолению духовных заболеваний, которые оставил коммунизм. Помню, как я взволновался, узнав, что одна из участниц встречи,

посвященной современной духовности, специально приехала из-за Урала, проехав более двух тысяч километров. Однако наше волнение не должно заставлять нас уходить от вопросов о статистических показателях веры и ни в коем случае не уполномочивает пренебрегать положением, при котором ленинский стиль мышления встречается даже внутри христианских общин.

Ленинизм вместо молитвы?

Ведя поиски новых форм сотрудничества с Востоком, проводя научные конференции в Люблинском католическом университете, мы стараемся приглашать богословов с территории бывшего СССР. На протяжении нескольких лет лучше всего развивалось сотрудничество с Минским гуманитарным университетом, где богословский факультет возглавлял митрополит Филарет (Московский Патриархат). В настоящее время попытки польской Церкви развивать диалог, выходящий за границы Евросоюза, предпринимаются скорее на уровне личных контактов, нежели связей между учреждениями. Их проявлением остается участие молодежи из России в польских паломничествах в Ченстохову или участие русских детей в совместных летних лагерях, организуемых церковной благотворительной организацией "Caritas" ("Милосердие").

С большой надеждой и сочувствием я наблюдаю воздвижение культурных мостов сотрудничества, которым занимаются редакция и сотрудники журнала "Новая Польша". Его главный редактор Ежи Помяновский, проживший в России восемь лет своей жизни, представляет линию диалога культур, которая весьма близка папской метафоре о двух легких. С доверием смотрю я и на предпринимаемые в других странах попытки преодолеть ленинскую враждебность к Западу. Важный фактор, связующий русских исповедников православия и католиков из Северной Италии, – поклонение св. Николаю Чудотворцу, прах которого покоем в кафедральном соборе итальянского города Бари. Президент Путин передал в дар жителям Бари монументальный памятник св. Николаю и высеченные в бронзе слова о духовной близости российских и итальянских почитателей святого. Текст написан по-русски и по-итальянски, и его с интересом читают не только туристы, но и верующие, направляясь в собор на Божественную литургию. Скептики прибавляют свой комментарий: интересное знамение времени, по их мнению, состоит в том, что текст, прочтенный прямо перед участием в евхаристическом богослужении, подготовлен бывшим офицером КГБ. Важнее,

однако, то, что подобные символы позволяют преодолевать реликты ленинской ментальности и искать общие ценности, связывающие католичество и православие, культуру Востока и Запада.

Многое для содействия сближению двух великих традиций делает архиепископ Венский кардинал Кристоф Шёнборн. Несколько лет назад, ища новые пути диалога, кардинал Шёнборн вместе с Патриархом Алексием принял участие в экуменическом богослужении в одном московском храме. В то время как собравшиеся в храме верующие молились о духе единства, на улице проходил демонстрация, протестовавшая против допуска еретиков в православные храмы. Демонстрацией руководила темпераментная активистка, которую собравшиеся на улице зрители окрестили "Пассионарией". Выходя из храма, заинтригованный кардинал спросил, кем была "Пассионария" раньше, когда еще не устраивали экуменических молебнов католиков и православных. И услышал в ответ, что она была секретарем то ли райкома, то ли еще какого-то комитета КПСС. Мы видим весьма печальный феномен: попытку переживать религиозные ценности в категориях, близких партийным идеологам и активистам.

Этот случай отнюдь не единственный. Можно привести подобные примеры событий, происшедших восемь лет спустя, когда российские власти не дали согласия на то, чтобы родившийся в Польше епископ Ежи Мазур вернулся в свою Иркутскую епархию из заграничной поездки. В поддержку решения властей проводились уличные демонстрации, где идеологические лозунги решительно господствовали над религиозными. Один журналист задал тогда участникам такой демонстрации вопрос: "Почему вы конкретно против возвращения епископа Мазура?" – "Потому что он с Запада". – "А почему это, на ваш взгляд, так важно?" – "Потому что Запад – это растление и благополучие".

Выход из нынешнего тупика в диалоге с православием может оказаться крайне нелегким, если возвещению Евангелия Иисуса Христа будут стараться задать тон люди с ментальностью вождя большевиков. Развивавшееся ими в течение 70 лет идеологическое запугивание Западом оставило в широком общественном сознании мощные барьеры, которые функционируют не хуже Берлинской стены. Разрушить эти барьеры будет потруднее, чем ту стену. Среди факторов, затрудняющих достижение единства, нужно назвать также действующее по сей день во многих кругах отождествление

религиозной принадлежности с национальной. Особенно вредят диалогу примитивные лозунги типа "Поляк – католик", "Русский – православный", "Инду – индуист". Ситуация еще больше запутывается, когда религиозное содержание заслоняется "фольклором", выдержанным в духе партийных лозунгов. Независимо от встречающихся трудностей следует в духе Тайной вечери осуществлять Христово желание, "чтобы были все едино" (Ин 17,22). Надо также поддерживать живое сознание того, что диалогу культур и экуменическим поискам единства нет никакой серьезной альтернативы.

Истина Евангелия или условности закона?

В широко функционирующих схемах открытый к духовному Восток противопоставляют равнодушному, сытому Западу. Возможно, такое противопоставление удалось бы поддержать на метафизическом уровне, считая, что на востоке Европе существует естественная устремленность к Богу, которую труднее заметить на Западе, где господствуют потребительство и погоня за успехом. Однако статистика в своем красноречии безжалостна.

Статистические данные по Западной Европе свидетельствуют, что число католиков, регулярно участвующих в воскресной Божественной литургии, остается там на уровне 1%. Из сведений, которые я получил от своих православных друзей, следует, что на Светлое воскресенье 2003 г. в Москве насчитали 83 тыс. участников пасхальной литургии. Принимая во внимание, что население Москвы составляет 11 млн. жителей, это дает показатель 0,75% – куда ниже, чем показатели Западной Европы, если вдобавок учесть, что на Пасху в церковь ходят даже те, кто не ходит туда регулярно.

На это тревожное красноречие цифр я обратил внимание во время одной европейской экуменической встречи. Я предлагал тогда вести экуменическое пастырское взаимодействие, особенно в сфере культурных перемен: круги, недавно подвергавшиеся идеологической индоктринации, теперь оказались в совершенно другой атмосфере, где религиозные и общечеловеческие ценности разрушает погоня за успехом, подчиненная только законам свободного рынка. В таких обстоятельствах следует объединить усилия, чтобы осуществить Христов завет о долге проповедовать Евангелие всей твари (Мк 16,15). В нынешней пастырской практике слова Христа надо решительно поставить выше юридических теорий о "канонической территории" или взаимных обвинений в прозелитизме. Если мы этого не сделаем, история оценит нас весьма сурово за то, что мы не распознали важных знамений

времени, когда Христос нуждается в современных апостолах, а не в сторонниках устарелых теорий, выработанных в общественно-культурном контексте, отличающемся от условий современного мира.

В ответ на мои аргументы было развито довольно справедливое объяснение, согласно которому социологическая статистика не в состоянии отразить всю глубину религиозных переживаний, ибо русский народ устремляет всю свою жизнь к религиозным ценностям, независимо от каких бы то ни было эмпирических обследований. Никакие опросы и анкеты не в состоянии учесть глубочайших религиозных побуждений. Поэтому нет объективных причин драматизировать при оценке религиозных позиций общества, которое сумело пережить этап государственного атеизма.

Стараясь не драматизировать, я все-таки считаю, что существуют серьезные основания полагать, что сегодняшнее культурное положение в бывших коммунистических странах бросает нам, пастырям, особый вызов. Разделяя надежду на то, что как действие благодати Божией, так и глубочайшие религиозные побуждения могут оказаться куда более оптимистическими, чем это вытекает из статистики, я еще раз обратился к эмпирическим данным, которыми пастырям нельзя пренебрегать. Московская статистика разводов, прерывания беременности, семейных кризисов ужасающа. Тревожат также лишь частично публикуемые показатели заражения ВИЧ-инфекцией. Вынесенное из коммунистических времен употребление самогона как всеобщего наркотика несет с собой множество проблем, требующих особой заботы. Эти проблемы существовали и в других республиках бывшего СССР; ложная антропология ленинизма выражалась там в систематическом уничтожении общечеловеческих ценностей. Противодействие нравственному опустошению требует ныне интегрированного взаимодействия многих разных кругов – взаимодействия, похожего на то, которое сопутствует землетрясениям или эпидемиям.

Пастыри из Польши, отправляющиеся с помощью на Украину, встречаются там с пониманием и готовностью к сотрудничеству со стороны как гражданских властей, так и православного духовенства. Безосновательными оказались первоначальные опасения, что они будут полонизировать или ностальгически ссылаться на довоенные времена, когда Западная Украина принадлежала Польше. Профилактические страхи развеяло время, и оказалось, что в новых реалиях пастырского окормления общность веры, порожденная водой

святого крещения, намного важнее этнической общности, порожденной кровными узами. Проблемой, которую надо решить, остаются поиски подобных форм сотрудничества в других частях бывшего СССР. В ходе этих поисков следует преодолевать предубеждения и прилагать старания, чтобы христианство не рассматривалось инструментально – как средство достижения политических целей, но чтобы Христос становился высшей личной ценностью у современных потомков Достоевского и Толстого.

Надежда сильнее страха

Вне зависимости от трудностей, появляющихся при попытках диалога с русским православием, следует ценить каждый позитивный шаг в надежде, что он может принести важные последствия в деле благовествования. Как подтверждение этого правила вспомню о московском профессоре Юлии Шрейдере. Открыв для себя христианство, он своим энтузиазмом так сильно воздействовал на своих друзей, что и восемь лет спустя после его смерти я постоянно встречаю людей, обязанных Юлию своим религиозным обращением. Будем надеяться, что он не был единственным свидетелем веры в своем кругу.

Культурные различия иногда могут порождать скептицизм: имеет ли смысл диалог, в котором появляются фольклорные элементы, чуждые западному складу ума? В то время как в западных странах нередко повторяют лозунг: "Бог – да, Церковь – нет", – мэру Москвы приписывают его российский аналог: "Церковь – да, Бог – нет". В первый момент это кажется экзотикой. Но, подумав, обнаруживаешь, что автор этого лозунга еще не дошел до того, чтобы признать Бога, зато признаёт Церковь как общину, участвующую в жизни общества. В целом такой подход честнее, чем у тех, что без всякого убеждения принимают крещение только потому, что вокруг них все, кто рвется на роль нового общественного авангарда, уже крестились.

Из всех опасностей, которые грозят подлинному диалогу культур, особенно серьезной я считаю идеологизацию христианства, выражающуюся во включении политических идей даже в церковную молитву. Помню одну встречу в Петербурге, где молитва по-польски кончалась призывом: "Мария, Царица великой России, молись о нас!" Не знаю, какая концепция великой России была у авторов этого призыва. Однако на мгновение меня охватил страх, не окажется ли случайно Люблинская епархия, граничащая с Украиной, тоже включена в великую Россию, и мне уже незачем будет возвращаться домой. По счастью, христианская надежда

сильнее страха – в том числе и страхов перед новыми вызовами времени великих перемен, в которые Христос посылает нас как свидетелей евангелического единения. Во многих областях жизни нам удалось осуществить планы, которые раньше казались сюрреалистическими. Это позволяет питать надежду на дальнейшее преодоление страхов и предубеждений. Будем надеяться, что слова величайшего польского поэта, который в реалиях XIX века обращался к "русским друзьям", найдут новый отголосок и в изменившихся реалиях, когда дружбу народов не навязывают административно, как некогда в рамках Общества польско-советской дружбы. Будем надеяться, что упрочению духовной связи двух близких народов будет способствовать как общность близких культурных ценностей, так и религиозное сознание того, что все мы дети Одного Бога.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• Александр Халль: "Украинская "оранжевая революция" стала историческим событием. Она по-настоящему взволновала польское общественное мнение. Подавляющее большинство наших политических сил поддержало народ, выступивший в защиту своего достоинства. Надлежащим образом отреагировали президент Польши, правительство и оппозиция. Кроме того, в связи с украинским вопросом Польша впервые выступила в роли инициатора политики Евросоюза (...) После великих дней на киевском Майдане Незалежности украинских патриотов и сторонников демократии ждет еще немало трудных и серых будней. Однако они наверняка не забудут свои ноябрь и декабрь, которые так напоминали наш август 80-го. И не забудут, что с ними тогда были Лех Валенса, Ежи Бузек, Збигнев Буяк и многие другие поляки. В отношениях между нашими народами произошло нечто важное и хорошее". ("Газета wyborcza", 31 дек. - 2 янв.)

• "Когда оранжевая волна докатилась до польских городов, на восток потянулись люди и помощь Украине. Поляки, приверженные идее национального государства, вдруг начали гордиться тем, что их соседи и вечные соперники, с которыми они все еще спорят о прошлом, собрались с духом и подняли головы". (Олаф Осица, "Тыгодник повшехный", 19 дек.)

• Збигнев Буяк: "Истоки, смысл и цели "оранжевой революции" были такими же, как у нашей "Солидарности" (...) Речь идет о переломе, о радикальной смене системы правления и культуры политической жизни. Источником нравственной силы в этой новой культуре стало ненасилие. "Оранжевую революцию" олицетворяет Виктор Ющенко. У нас это был Лех Валенса (...) И тогда в Польше, и сейчас на Украине главной задачей было вернуть государство гражданам (...) Украинцы - образцовые адепты европейской школы демократии и гражданского общества (...) Большинство моих собеседников на Майдане и в палаточном городке ездили в страны Западной Европы, работали там, учились. В масштабе всей Украины это многие миллионы граждан, которые увидели, как облечь свою свободу в институты и политическую культуру (...) Европа должна осознать, что впуская к себе миллионы украинцев, она сказала

"а" (...) Теперь надо сказать "б". Надо впустить этих граждан, идущих во главе шествия демократии, на европейский Майдан Незалежности. ("Газета wyborcza", 13 дек.)

- Лешек Бальцерович: "Я принадлежу к тем миллионам поляков, которые с напряжением, симпатией и восхищением наблюдали мирную борьбу украинцев за честность, демократию и правопорядок в их государстве. Мы отдаем себе отчет в том, какое огромное значение – прежде всего для них самих, но также для Польши, Европы и всего мира – будет иметь окончательная победа этих ценностей на Украине".

- Проф. Войцех Луковский, социолог: "Участие в том, что происходило на Украине, дало [молодому поколению поляков] возможность непосредственно продемонстрировать свою культурную открытость и способность абстрагироваться от событий, лежащих тенью на польско-украинские отношения (...) Для нас ситуация на Украине стала своего рода лакмусовой бумажкой – она показала, что степень укоренения демократии в огромной части польского общества весьма высока". ("Жечпосполита", 22 дек.)

- Согласно опросу ЦИОМа, число поляков, отрицательно относящихся к Украине, уменьшилось с 51% в сентябре 2003 г. до 34% в декабре 2004-го. За это же время симпатия к украинцам возросла с 19 до 29%, а безразличие – с 24 до 32%. ("Газета wyborcza", 14 дек.)

- По данным другого опроса ЦИОМа, 54% поляков симпатизируют оппозиции, связанной с Виктором Ющенко, а 2% – политическому лагерю Виктора Януковича. 37% не поддерживают ни одну из сторон. 60% опрошенных считают, что участие польских политиков в разрешении политического кризиса на Украине благотворно повлияет на польско-украинские отношения, а 55% придерживается мнения, что это было полезно для Евросоюза. (Жечпосполита", 15 дек.)

- Президент Александр Квасневский: "Я верю, что Украина, президент которой будет иметь сильный демократический мандат на осуществление своей власти, – желанный сосед не только для Польши, но и для России (...) Партнерство, демократия и диалог влияют на международные отношения лучше, чем давление или патернализм (...) А успех Украины, в который я верю, будет полезен для всех нас". ("Политика", 18 дек.)

- Около 3 тыс. наблюдателей из Польши следят за переголосованием второго тура президентских выборов на

Украине. Своих представителей прислали, в частности, МИД, "Гражданская платформа", "Право и справедливость", "Уния свободы", Польская наблюдательная миссия, Польско-украинский форум и Гражданское движение за свободную Украину. Польские наблюдатели прибыли также в составе миссий ОБСЕ, Совета Европы и Европейской сети организаций по наблюдению за выборами (ЕНЕМО). ("Газета wyborcza" и "Жечпосполита", 24-26 дек.)

- После подсчета 99,72% отданных в воскресенье на Украине голосов президент Александр Квасневский позвонил Виктору Ющенко, чтобы поздравить его с победой на президентских выборах. (Вацлав Радзивинович, "Газета wyborcza", 28 дек.)

- Из обращения к полякам, подписанного 41 украинским общественным деятелем – депутатами Верховной Рады, политиками и интеллигентами: "Когда вы боролись за свободу под знаменем "Солидарности", мы от всей души молились о вашей победе и вместе с вами пели "Еще Польша не згинела". Сегодня вы по всей Польше поете вместе с нами "Ще не вмерла Украина" и желаете нам удачи. За это каждого из вас – от имени всего украинского народа – мы сердечно благодарим. Наша борьба за правду и демократию все еще продолжается..." ("Газета wyborcza", 24-26 дек.)

- Петр Порошенко, председатель бюджетной комиссии Верховной Рады Украины: "В том, что на Украине не пролилась кровь, есть огромная заслуга президента Квасневского. Это мудрый человек. Я не могу рассказать обо всем, но считаю, что он действовал очень профессионально. И в интересах Украины. Польша останется для нас особым партнером (...) Теперь мы очень рассчитываем на то, что позиция Польши ускорит и облегчит процесс вступления Украины в ЕС. Мы знаем, что Польша заинтересована в сильной Украине. Она хочет создать равновесие сил между западом и востоком объединяющейся Европы, а в Варшаве понимают, что 50-миллионное, богатое, развитое украинское государство очень в этом поможет". ("Газета wyborcza", 31 дек. – 2 янв.)

- Заместитель министра иностранных дел Адам Даниэль Ротфельд: "Почти все политические силы Польши говорили единым голосом. Впервые за долгие годы бывший и действующий президенты – Лех Валенса и Александр Квасневский – единодушно выступали за восстановление на Украине правды и справедливости. На одной трибуне встречались лидеры "Польской социал-демократии", "Права и справедливости" и "Гражданской платформы". Политики оппозиции публично хвалят действия президента Александра

Квасневского. Это очень ценно, так как внешняя политика Польши будет эффективна, только если главные политические силы будут говорить единым голосом (...) Вдруг оказалось, что мы сумели сделать из Украины тему №1 в Евросоюзе. Польша считается локомотивом восточной политики всего ЕС. Мне еще никогда не приходилось слышать столько комплементов Польше, сколько я услышал за последние дни". ("Газета wyborча", 23 дек.)

- "В то время как на Украине шла "оранжевая революция", евродепутаты от "Лиги польских семей" распространяли в Европейском парламенте сфабрикованные в России антиукраинские фальшивки, обвиняющие людей Ющенко в... антисемитизме (...) Простому поляку легко понять, когда в интересах России действует бывший аппаратчик ПОРП, но у него в голове не укладывается, что это может делать о. Тадеуш Рыдзык, уста которого полны громких слов о национальных интересах и защите религии". (Петр Лисевич, "Газета польска", 15 дек.)

- Под давлением Польши в совместное заявление лидеров 25 государств-членов ЕС удалось включить положение о том, что "дальнейшее укрепление политических, экономических и культурных связей отвечает общим интересам ЕС и Украины". Кроме того, европейские лидеры согласились признать Украину "ключевым соседом и партнером Евросоюза" и призвали Европейскую комиссию "наметить пути установления более тесного сотрудничества с Украиной". По мнению премьер-министра Марека Бельки, "еще месяц назад этот вопрос никого не интересовал, а теперь он мгновенно оказался в центре внимания исключительно благодаря Польше и Литве". ("Жечпосполита" и "Газета wyborча", 18-19 дек.)

- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: "В наших интересах граничить на востоке с быстро развивающимся, стабильным и свободным от внутренних конфликтов государством, - чтобы это соседство было предсказуемым. Отсутствие такой стабильности создает реальные угрозы. Примеры? Ну хотя бы приостановка поставок российского газа в Белоруссию, в результате чего в течение нескольких дней газ не поступал и в Польшу (...) Что было бы, если бы в декабре нам вдруг пришлось предоставлять убежище по меньшей мере нескольким десяткам тысяч беженцев с Украины? Такова была бы цена нестабильности за нашей восточной границей". ("Жечпосполита", 21 дек.)

- "В сочельник на киевском Майдане Незалежности появился Вальдемар Фридрих, "Майор" из "Оранжевой альтернативы",

которая в 80-е гг. "оранжевой" издевкой боролась с польскими коммунистическими властями (...) "Майор" приехал на Украину с конкретным политическим предложением: "Владимир Путин обещает им двойное гражданство - украинское и российское. Давайте предложим им украинское и польское гражданство. Тогда они сразу получают право на безвизовый въезд в Европу, на работу в Европе. И посмотрим, что они выберут: Польшу или Россию"'. (Вацлав Радзивинович, "Газета wyborcza", 27 дек.)

• Из интервью с министром иностранных дел Влодзимежем Цимошевичем: "12 ноября, т.е. уже после первого, но еще до второго тура выборов, я побывал в Киеве - не в качестве министра иностранных дел, а как председатель комитета министров Совета Европы, чтобы от имени комитета передать, что мы рассчитываем на честные выборы (...) Если бы помощь в разрешении конфликта предложила одна Польша, нам вовсе не обязательно удалось бы то, что в конце концов было достигнуто. Очень возможно, что если бы дела пошли по-другому, нам предъявили бы претензии. А так все довольны, что защищали правое дело (...) В последние недели я замечаю у наших партнеров огромный рост доверия к тому, что мы говорим на тему восточной политики (...) Демократическая, суверенная Украина не представляет угрозы ни для кого - в том числе и для России. Первой реакцией России на заявления о фальсификации выборов было раздражение. Однако в дальнейшем ее позиция - по крайней мере официальная - претерпела существенные изменения (...) Несомненно, будущее российской политики все еще решается. Надеюсь, что украинский опыт поможет правильно сформулировать эту политику (...) Мы живем в мире, где все варианты известны. Слава Богу, мы стоим на нужной стороне - там, где мы и хотели быть. Нас уже воспринимают как важное европейское государство. Теперь мы должны суметь этим воспользоваться". ("Газета wyborcza", 27 дек.)

• Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич заявил о намерении вернуться к плану, согласованному в октябре с министром иностранных дел Германии Йошкой Фишером и уже предлагавшемуся Евросоюзу. План предполагает: 1) завершить переговоры о предоставлении Украине статуса страны с рыночной экономикой; 2) начать переговоры о свободной торговле; 3) смягчить визовый режим; 4) приблизить перспективу выхода Украины на единый рынок и создать зоны свободной торговли; 5) подписать договор о стратегическом партнерстве. ("Газета wyborcza", 28 дек.)

• Станислав Лем: "Мир, затаив дыхание, следит за судьбами украинского бунта против поползновений Путина, который хочет снова включить Украину в бывшее пространство советской власти. Совершенно очевидно, что это главная причина вмешательства России в украинские выборы (...) В этом споре мы заняли правильную позицию, и меня приятно удивило, что польское общество, зачастую политически нерасторопное, выразило готовность энергично поддержать кандидата оппозиции, то есть Виктора Ющенко. Ибо речь идет не о том, кто из украинских соперников станет президентом, но о том, сможет ли Россия присоединить к себе Украину и тем самым встать на путь восстановления доминииона. Мне очень жаль, но кто не понимает истинной роли этого конфликта в новейшей истории мира, тот недостойн называться политиком". ("Пшеглэнд", 12 дек.)

• "С победой в Москве неоимперского течения Польша оказалась перед лицом новой геополитической ситуации (...) Это еще один повод желать победы украинским демократам". (Ян Скужинский, "Жечпосполита", 24–26 дек.)

• Дариуш Росати, бывший министр иностранных дел, депутат Европарламента: "Польша заинтересована в создании и укреплении стратегического партнерства между Евросоюзом и Россией. Однако близким и надежным партнером ЕС может быть только демократическая, правовая Россия, уважающая права человека и национальных меньшинств. Такой России пока нет. Для нынешней политики Москвы характерны авторитарные тенденции и рост имперских амбиций. Отношение России к Украине и Белоруссии – яркое тому свидетельство. Поэтому мы должны добиваться от Евросоюза более решительной реакции на новую российскую имперскую политику. Кроме того, надо требовать, чтобы Евросоюз занимал единую и последовательную позицию в отношении попыток России дискриминировать его новых членов, (...) и противодействовал российским попыткам влиять на политику ЕС "особыми" отношениями с Францией и Германией. Европа нуждается в демократической и правовой России, но больше всего в ней нуждаются сами россияне". ("Газета wyborча", 18–19 дек.)

• Ярослав Марек Рымкевич: "Иногда мне кажется, что народ, причинивший своим соседям и всему человечеству столько зла, угнетавший и истреблявший литовцев, татар, поляков, чеченцев – да, собственно, все соседние народы – вообще не имеет права существовать. И что факта его существования не оправдывают, а его ужасных вин не могут искупить даже те

великие и прекрасные творения, которые он дал миру: творения Пушкина, Тютчева, Рахманинова, Мандельштама, Прокофьева, Шостаковича (...) А иногда я думаю о русских с огромной любовью и огромной болью, вспоминая, что это народ многострадальный, втянутый в шестерни истории и нечеловечески истерзанный ими. Если это так (...) то надо с изумлением и даже восхищением взирать на то, что несмотря на все перенесенные им страдания он сумел породить Тютчева и Мандельштама (...) Я знаю точно, что история отношений России и Польши еще не закончена, что в ней еще произойдет немало плохого и страшного. Это совершенно очевидно, ибо в истории вообще, как правило, происходят плохие и страшные вещи, а вещи радостные и приятные случаются редко". ("Жечпосполита", 31 дек. – 2 янв.)

- "Катынь, подобно Освенциму, показывает, на что способна осуществленная утопия (...) В нашей политике Катынь не может представляться только как проблема польско-российских отношений. Прежде всего она должна быть символом преступлений коммунизма. Мы должны жить с нашим великим соседом как можно более дружно. Но русский, отвергающий свидетельство Катыни, никогда не будет нашим добрым соседом – так же, как не будет им немец, не решающийся осудить преступления нацизма". (Анджей Новак, "Впрост", 9 янв.)

- Во время встречи с министром иностранных дел Влодзимежем Цимошевичем его российский коллега Сергей Лавров подтвердил, что президент России вскоре прибудет в Польшу. "В Москве наш глава дипломатии не встретился с премьер-министром Михаилом Фрадковым, несмотря на то что польская сторона этого ожидала. Визит в Кремль даже не принимался в расчет. Тем не менее министр Лавров уверял, что польско-российские отношения развиваются успешно. Особо подчеркивалось, что за последние десять месяцев экспорт польских товаров в Россию увеличился на 80%. Оба министра заверили, что разногласия относительно президентских выборов на Украине не испортят наших взаимоотношений". ("Жечпосполита", 17 дек.)

- Отвечая президенту Путину, посоветовавшему полякам думать о собственной безработице и внешнем долге, а не об Украине, президент Александр Квасневский заявил, что эти слова – "цена, которую мы платим за активное участие в разрешении политического кризиса на Украине". Польский президент напомнил также, что в заседаниях украинского "круглого стола" он участвовал от имени Евросоюза и всего

демократического сообщества. "Это была историческая миссия", – сказал Квасневский. Одновременно было предано огласке письмо Александру Квасневскому от президента Леонида Кучмы, в котором, в частности, говорится: "Я очень ценю Вашу взвешенную и дружественную позицию, которая была с благодарностью воспринята украинцами". ("Газета wyborча" и "Жечпосполита", 24–26 дек.)

- "Недавняя резкая критика президента Квасневского Путиным еще раз подтверждает, что избранная нами стратегия была верной и эффективной. Теперь мы должны убедить Запад, что на пути к европейскому будущему Украины сделан лишь первый шаг, что все самое главное еще впереди". (Славомир Поповский, "Жечпосполита", 27 дек.)

- "Представитель российского МИДа заявил, что президент Путин хотел бы приехать в Польшу (...) Нетрудно догадаться, что эта перемена – следствие той роли, которую Польша сыграла в деле признания Европой права украинского народа на самоопределение". (Рафал А. Земкевич, "Ньюсуик-Польша", 28 дек.)

- Станислав Лем: "Дальнейшее развитие событий зависит от столь большого числа факторов, что его трудно предугадать. Сначала Путин отругал Квасневского, а потом вдруг решил приехать в Польшу. Зачем? Чтобы еще раз, но уже основательнее, отругать польского президента?" ("Тыгодник повшехный", 9 янв.)

- "Если бы не блокада, введенная московскими властями, Польша могла бы ежемесячно экспортировать в Россию продукты питания на общую сумму 100 млн. злотых". ("Жечпосполита", 6 янв.)

- Согласно опросу ЦИОМа, 73% поляков высказываются за принятие новой конституции ЕС. ("Тыгодник повшехный", 19 дек.)

- "Сегодня поляк зарабатывает в среднем около 500 долларов в месяц. В конце 80-х ему платили около 30 долларов. В этом отношении разрыв между Польшей и Западом сокращается быстрее всего. В начале рассматриваемого периода цены росли так же быстро, но с каждым годом их рост все больше отставал от роста зарплаты". ("Газета польска", 29 дек.)

- По данным статистического агентства ЕС "Евростат", со времени вступления Польши в Евросоюз доходы польских

крестьян увеличились на 73%. ("Газета wyborcza", 31 дек. – 2 янв.)

- По данным Института туризма, в первые 10 месяцев 2004 г. Польшу посетило почти 52 млн. человек. Это на 19,9% больше, чем в тот же период 2003 года. Росту числа туристов способствовало открытие границ после вступления Польши в Евросоюз 1 мая 2004 года. ("Газета wyborcza", 29 дек.)

- 31 декабря Марек Каминский, Ясек Меля и Войцех Островский дошли до южного полюса. 16-летний Меля – самый молодой из всех, кто покорил оба полюса в течение одного года. Кроме того, он – единственный инвалид, которому удалось это совершить. Два года назад после поражения током он лишился руки и ноги. ("Жечпосполита", 3 янв.)

- "Такого удачного года у нас не было уже давно: мы вступили в Евросоюз, а экономика развивалась в темпе около 5,5%". ("Жечпосполита", 31 дек. – 2 янв.)

- Крупнейшие польские фирмы могут считать 2004 год одним из самых удачных в своей истории. Целых 89% фирм отметили рост объема продаж – при этом в большинстве из них доходы увеличились более чем на 10%, т.е. значительно опередили инфляцию. Прибыль растет главным образом за счет экспорта – прежде всего в страны ЕС. Увеличение доходов от продаж за границу было зарегистрировано в 41% анкетированных фирм, а уменьшение – лишь в 3%. Рост занятости отмечен в 38% фирм, падение – в 25%. 56% предприятий приступили к новым инвестициям, а еще 20% запланировали их на 2005 год. Из анкеты следует также, что больше всего выгод вступление в Евросоюз принесло фирмам с преобладанием польского частного капитала. ("Жечпосполита", 22 дек.)

- "В Польше карьеру все еще может сделать каждый. На руководящих должностях происходит постоянная смена кадров: после выборов обновляется более 50% состава парламента, а на протяжении одного года сменяются в среднем 200 из 500 директоров крупнейших польских фирм (...) Текучесть польских кадров увеличивают органы правосудия – несмотря на всю их нерасторопность. Многие бывшие звезды польского бизнеса отсиживают сроки или находятся в следственных изоляторах". (Здислав Краснодембский, "Впрост", 19 дек.)

- Депутат Анджей Пэнчак, арестованный по подозрению в коррупции, больше не сможет требовать выхода из следственного изолятора под предлогом участия в голосовании

или встречи с избирателями. Сейм постановил, что арестованный парламентарий не имеет прав и обязанностей, вытекающих из закона об осуществлении депутатского и сенаторского мандата. Ему не полагается депутатская зарплата, он не обязан участвовать в работе Сейма и Сената, равно как и встречаться с избирателями. ("Жечпосполита", 7 янв.)

- "Афера Льва Рывина" "завершилась только одним приговором. Только Рывин стоит на пороге тюрьмы. Но у других героев этой крупнейшей аферы Третьей Речи Посполитой тоже нет оснований радоваться. Роберт Квятковский лишился поста директора Польского телевидения; Александры Якубовской нет уже ни в правительстве, ни в партии; у Влодзимежа Чажастого кончается срок полномочий во Всепольском совете по делам телевидения и радиовещания; Лешек Миллер стал рядовым членом партии, балансирующей на границе избирательного барьера". ("Жечпосполита", 27 дек.)

- "С тех пор как два года назад Польша узнала об "афере Рывина", тайная запись взяточнических предложений становится все более модной (...) Решившись записать на диктофон, как Лев Рывин предлагает ему заплатить 17,5 млн. долларов, Адам Михник даже не предполагал, что вызовет настоящую лавину. И что маленький кассетный диктофон, вскоре названный в народе "маленьким Михником", будет все чаще появляться на первых страницах газет, выступая в роли свидетеля мелких и крупных афер". (Анна Биконт и Иоанна Щенсна, "Газета wyborча", 24-26 дек.)

- Агент коммунистической Службы безопасности, пытавшийся выяснить, какие следы его деятельности остались в архивах Института национальной памяти (ИНП), предстал перед судом в Катовице. Процессы бывших агентов, подавших заявления, чтобы проверить, не были ли они потерпевшими в понимании закона об ИНП, начались год назад. Сексоты нарушали закон, так как на самом деле проверяли, сохранилась ли какая-нибудь информация об их сотрудничестве со спецслужбами. Прокуроры ИНП назвали их действия "тестированием ИНП". За это грозит наказание до трех лет лишения свободы. ("Жечпосполита", 8-9 янв.)

- "Глава кабинета президента [Марек Унгер] подал вчера в отставку, а президент принял ее. Министр ушел со своего поста после вчерашней статьи в "Жечпосполитой", где сообщалось, что сын Марека Унгера Кшиштоф избежал тюрьмы за езду на машине в нетрезвом состоянии благодаря незаконному

решению суда. Вечером министр подал заявление об отставке". ("Жечпосполита", 28 дек.)

- Юзеф Олексы, которого суд признал виновным в люстрационной лжи, заявил, что уйдет в отставку с поста маршала Сейма. Из политического плана, согласованного руководством "Союза демократических левых сил" (СДЛС) с президентом Александром Квасневским, следует, что самый вероятный кандидат на эту должность – министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич. ("Тыгодник повсехный", 9 янв.)

- "После эмоциональных дебатов, при редкой мобилизации как левых, так и оппозиции, на выборах [нового маршала Сейма] большинством в один голос победил кандидат СДЛС Влодзимеж Цимошевич. В голосовании его поддержали 223 депутата, т.е. ровно столько, сколько составляет необходимое абсолютное большинство. [Замминистра иностранных дел проф.] Адам Даниэль Ротфельд получил вчера от президента назначение на пост главы дипломатического ведомства". ("Жечпосполита", 6 янв.)

- Стефан Братковский об Адаме Даниэле Ротфельде: "Он вернулся в Польшу из Стокгольма, оставив замечательную, почетную должность [директора Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI)] и отказавшись от еще лучшего предложения (...) Я рад, что его опыт и спокойная мудрость профессионала служат нашей начинающей, слегка сумасшедшей демократии". ("Жечпосполита", 8–9 янв.)

- Согласно подготовленному ЦИОМом рейтингу доверия к политикам, проф. Збигневу Религе доверяют 65% поляков, Александру Квасневскому – 60, Яну Роките и Леху Качинскому – по 49, Ярославу Качинскому – 48, Дональду Туску – 43, а Мареку Боровскому – 38%. ("Жечпосполита", 30 дек.)

- Кардиохирург проф. Збигнев Релига – самый серьезный кандидат на пост президента. Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, его поддерживают 16% избирателей. Второе место с 14-процентной поддержкой разделили Дональд Туск из "Гражданской платформы" и Марек Боровский из "Польской социал-демократии". Третье место занимает Лех Качинский из "Права и справедливости" (13%). ("Жечпосполита", 29 дек.)

- Согласно проведенному 8 и 9 января опросу Лаборатории социальных исследований, на предстоящих парламентских выборах "Гражданскую платформу" могут поддержать 25%

поляков, "Право и справедливость" и "Самооборону" – по 14, "Лигу польских семей" – 12, СДЛС – 11, крестьянскую партию ПСЛ – 6%. В Сейм могут не войти "Польская социал-демократия", "Уния свободы" и "Уния труда" – каждую из этих партий поддерживают по 4% опрошенных. Избирательный барьер составляет 5%. ("Жечпосполита", 12, 13 янв.)

• Депутат Эугениуш Чиквин: "Сейм принял закон о национальных и этнических меньшинствах и региональном языке. В истории отношения польского государства к населяющим Речь Посполитую меньшинствам это факт беспрецедентный. На протяжении долгих лет живущие в Польше армяне, белорусы, евреи, лемки, литовцы, немцы, русские, словаки, татары, украинцы, цыгане и чехи говорили о необходимости законодательно урегулировать их ситуацию, ожидая, что декларируемая государством готовность охранять их право на сохранение своей культуры, традиций и языка будет подкреплена высшим законодательным актом (...) Работа над законом продолжалась почти 15 лет (...) В общей сложности законодательной защитой охвачены девять национальных и четыре этнических меньшинства". ("Пшеглэнд православный", декабрь)

• Сейм согласился предоставить право на два официальных языка и использование двуязычных табличек с названиями улиц и населенных пунктов тем гминам, на территории которых национальное меньшинство составляет не менее 20% населения. На двуязычных табличках не может быть названий, данных властями Третьего Рейха и Советского Союза. 41 польская гмина сможет ввести в официальное употребление т.н. вспомогательный язык, т.е. язык национального меньшинства. На территории еще десяти гмин официальным языком может быть также язык региональный. ("Жечпосполита", 7 янв.)

• Депутат Эугениуш Чиквин: "В третьем чтении бюджетного закона Сейм принял поправку, благодаря которой министр культуры будет обязан передать 1,5 млн. злотых на реставрацию монастырского комплекса в Супрасле". ("Пшеглэнд православный", декабрь)

• Правление Союза еврейских религиозных общин в Польше избрало раввина Варшавы и Лодзи Михаэля Шудриха главным раввином Польши. Михаэль Шудрих родился в Нью-Йорке в 1955 году. Его предки были родом из Перемышля. По мнению сопредседателя Польского совета христиан и иудеев о. проф. Михала Чайковского, Шудрих – человек диалога. ("Жечпосполита", 14 дек.)

- "Русский народ благодарен польскому народу за уважение и память о тех, кто навеки остался в польской земле", – сказал военный атташе российского посольства адмирал Сергей Провкин на траурной церемонии, состоявшейся 20 декабря в Кракове. На краковском военном кладбище, на участке Советской армии, были погребены останки шестерых советских солдат, погибших под Краковом в январе 1945 года. Обряд погребения совершил полковник о. Базилий Галчик, православный декан 2-го механизированного корпуса польской армии. ("Пшеглэнд православный", январь)

- Польские бойцы из спецподразделения ГРОМ завершили свою миссию в Ираке. Начиная с марта 2003 г. они провели свыше 200 операций и задержали несколько сот подозрительных лиц, в том числе несколько человек из "колоды карт", изображающей самых разыскиваемых представителей режима Саддама Хусейна. ("Жечпосполита", 21 дек.)

- Станислав Лем: "2004 год завершился печально, а надежд на улучшение не видно ни в мире, ни в Польше. Только неутомимый Владислав Бартошевский не перестает быть активным (он прислал мне две свои новые книги) и все еще пытается высмотреть чистые островки на запятнанной кровью скатерти, которой накрыт праздничный стол. Однако сегодня это не так-то легко". ("Тыгодник повсехный", 9 янв.)

- "С Нового года выросли цены на кровь – со 170 до 220 злотых за 0,5 л, т.е. более чем на 30%". ("Газета wyborча", 4 янв.)

- "Надоели одиночество и стресс? Собака (ее держат 52% поляков) будет любить тебя, а кроме того заставит гулять несколько раз в день. Кошка (ее держат 30% поляков) поможет справиться с ревматизмом. После получасовой игры с собакой или кошкой, хорьком или хомячком кровяное давление понижается, зато растет уровень гормонов, улучшающих самочувствие". ("Ньюсуик-Польша", 9 янв.)

- Вскоре начнется процесс по делу о смерти щенка Фродо. Прокуратура предъявит обвинение супругам Адаму и Эве Д. из Катовице, которые упаковали собачку в картонную коробку и отправили по почте прежнему хозяину-собаководу. Причиной послужило небольшое утолщение на хвостике щенка, которое в будущем могло стать препятствием для участия в выставках. Трехмесячный лабрадор не выдержал 16-часовой транспортировки в тесной коробке без воды и свежего воздуха. Прокуратура выясняет, причастны ли к смерти щенка работники почты, которые приняли его в непредусмотренной правилами упаковке. ("Газета wyborча", 20 дек.)

- Первый памятник собаке был поставлен в Кракове. Он увековечил пса, долгие месяцы ждавшего на улице возвращения своего хозяина, который умер от сердечного приступа во время совместной прогулки. А недавно в Варшаве на Мокотовском поле появился памятник счастливой собаке. Позировал для него пес Локат (голден ретривер), хорошо зарекомендовавший себя в качестве терапевта. Автор памятника – Богна Чеховская. (Кшиштоф Чабанский, "Газета wyborcza", 27 дек.)

- "Варшавская ратуша раздает корм для бездомных кошек. Люди, подкармливающие их, могут обращаться в городской совет за кошачьей пищей. В акции принял личное участие президент [мэр] столицы Лех Качинский. Он уже выделил из городского бюджета 170 тыс. злотых". ("Газета wyborcza", 4 янв.)

- Из письма в редакцию: "На бойни Западной Европы попадают старые и больные лошади, которые уже не могут работать, а также жеребята и беременные кобылы. Все они обречены на ужасающе долгий путь, который иногда длится пять дней (...) Часто во время транспортировки их не кормят и не поят. Прицепы переполнены. В них перевозят лошадей разного роста и возраста. Более слабые часто теряют равновесие и падают. Когда они оказываются на полу, остальные испражняются на них и топчут – иногда насмерть. Во время перегрузки упавших лошадей вытаскивают из прицепов и бьют, пинают или поражают током, чтобы заставить их встать (...) В 2003 г. из Польши было вывезено на убой 40 838 лошадей и 8 857 868 кг конины (...) Мы требуем вычеркнуть лошадь из списка убойных животных (...) Присоединяйтесь к нашему протесту. Наши координаты: Viva! Акция ради животных, ул. Коперника 6, кв. 8, 00-367 Варшава, тел.: +48 (22) 828-43-29. Интернет-сайт: www.viva.org.pl/". Письмо подписали Сильвия Павликовская, Ханна Лесневская и Анджей Койдер. ("Газета польска", 29 дек.)

- В Польше стало больше аистов. В 2004 г. на ее территории жило почти 50 тыс. пар – на 10 тыс. больше, чем в 1995 году. Число аистов увеличилось также в Испании и на Украине. ("Газета wyborcza", 27 дек.)

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ, ИНТЕГРАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Якуб Садовский (Радио Полония):

"Интеграция" – понятие в Польше последних лет самое актуальное, модное и часто употребляемое, зафиксированное в названиях многих правительственных учреждений и ежедневно появляющееся в каждой, пожалуй, газете во всех возможных падежах. Интеграция – процесс для человечества естественный, основанный на стремлении к упорядоченному миру, в котором человек знает, как поступать, как функционировать. Это мир, который человеку не страшен, в котором чувствуешь себя безопасно. Именно безопасность я считаю ключевой категорией интеграции.

Европейский союз, самая основная для моих соотечественников "реальность интеграции", на различных уровнях своего функционирования предлагает гражданам стран-членов ряд инструментов безопасности. Если взять, к примеру, социальный уровень, то мы можем говорить о – небезразличной с точки зрения каждого путешествующего – безопасности в плане медицинского страхования. Действие медицинской страховки любого гражданина Польши теперь распространяется на все остальные страны Евросоюза.

Инструменты безопасности очевидны и на экономическом уровне. Первый бросающийся в глаза наглядный пример – это зона евро, в которую Польша надеется войти года через три. Существование единой валюты повышает безопасность инвестиций и сделок, снимая риск изменения курса национальной валюты по отношению к валюте иностранного партнера.

Однако не безопасность, рассматриваемую в контексте европейской интеграции, мне бы хотелось предложить как тему сегодняшней дискуссии. Я хочу предложить разговор о моделях интеграции в XX веке – западноевропейская интеграция, олицетворяемая сегодня Евросоюзом, вовсе не была единственной моделью, которая осуществлялась в прошедшем столетии.

На мой взгляд, в Европе XX века противостояли друг другу две модели. С одной стороны – западная, которую можно охарактеризовать термином "полилог", предложенным профессором Самохваловой из Российской Академии наук. Полилог есть расширение принципа диалога на множество субъектов; интеграция по данной модели происходит тогда, когда мы учимся проводить множество диалогов, взаимно не исключаящихся. И с другой стороны – восточная модель интеграции, которая, согласно терминологии Самохваловой, должна получить определение "монолог". Монологическая модель есть модель унификации, а не – как в случае западной модели – организации единства многообразия.

Обе модели интеграции можно рассматривать в категориях безопасности. Модель западная, полилогическая – мы можем ее также назвать либеральной – во многом основывается на экономической безопасности. Либеральная экономическая философия предполагает, что поле вмешательства государства в экономическую жизнь должно быть сведено к минимуму. Это и есть один из моторов всесторонней поддержки, оказываемой на Западе гражданским неправительственным организациям, и вообще гражданской активности как фактора, помогающего редуцировать роль государства в экономической жизни. Восточную, монологическую модель интеграции, принявшую в свое время тоталитарные очертания, тоже можно рассматривать с точки зрения безопасности: безопасности государства, сросшегося с экономикой, являющегося владельцем производительной системы. Когда государство срастается с экономикой, то его безопасность предполагает борьбу с гражданской активностью, в том числе и с неправительственными организациями. Обратите внимание на то, что обе модели интеграции осуществляются и по сей день. Модель западная в экономическом измерении сути своей не меняла никогда, восточная же, монологическая, в большей или меньшей степени актуальна везде, где существуют олигархические системы, связывающие государственный аппарат с экономикой.

Вадим Чупасов (ТвГУ):

XX век для меня не может считаться целостной эпохой уже потому, что предложил несколько моделей так называемой интеграции. Здесь следует дифференцировать модели начала века, модели модерна, понятого в самом широком смысле, модерна, породившего тоталитарные государства, модерна, который строится на принципе окончательной истины, трансцендентальных ценностей. Что это за ценности, в нашем

разговоре не столь уж важно: ценности крови и почвы, ценности единства людей всего мира и т.д.

Сегодня происходит отказ от неких высших ценностей. Идея Евросоюза вначале – абсолютно ценностная система. А европейские ценности – это в основном христианские ценности. Сегодня европейская интеграция – это прежде всего рынок. И альтернативы этому рынку нет. Рынок не претендует ни на какую истинность – всем хочется хорошо кушать и жить в нормальных условиях. Это, как видите, голая прагматика.

В результате, мой основной тезис сводится к тому, что – по крайней мере в России – восприятие процессов интеграции, происходящих в Западной Европе, происходит на фоне двух процессов: дезинтеграции бывшего СССР и ностальгии по некогда великой Российской империи. Осмысленность рождается из вариантов, а сегодня никаких вариантов моделей интеграции в Европе нет. Восточные модели не принимаются, ибо воспринимаются как то, чем Европа уже переболела. Да и так называемые новые европейские ценности – на самом деле никакие не новые; стало быть, константой интеграции остается та модель, которую сегодня признают единственной и абсолютно верной, – это рыночная экономика. И здесь альтернативы просто нет.

Вопрос из зала:

Ну, прежде всего спасибо большое за интересные выступления. Но, поскольку я при советской власти воспитан – как говорится, "московский простой совок", – то я за интеграцию. На бумаге все смотрится хорошо. А вот исторические овраги, как они будут учитываться? Менталитет, характер, особенности каждой нации, прошлое, экономические интересы – будет ли притирка исторических корней?

Якуб Садовский:

Ответ на него мы сможем узнать только лет через 50. Но вот то, что мне уже сейчас видно: вопреки угрозам, на которые указывают многие СМИ, нам вовсе не угрожает потеря национального облика. Вообще не нужно процессов европейской интеграции, чтобы увидеть, как, допустим, в Париже или в других многонациональных городах прекрасно сосуществуют национальные меньшинства, сохраняя свой национальный облик. Если честно, то мне видится, что интеграция современного западноевропейского типа, может, скорее всего, не на том сказаться, что исчезнут национальные культуры, но вызвать угрозу того, что национальные культуры

будут во все большей степени восприниматься как элемент локальной специфики. Налицо тенденции, которые об этом говорят.

Валентин Оскоцкий (МГУ):

Я бы не взял на себя риск категорически утверждать, что интеграционные процессы не связаны с проблемами национальной идентификации. Связаны – и очень тесно связаны. Более того, эти проблемы стоят по-разному в свете тех двух моделей, западноевропейской полилогической и восточноевропейской монологической, о которых вы говорили. Я вспоминаю – это было уже несколько лет назад – одну из международных конференций в Париже, конференцию Международной ассоциации литературных критиков. Французские участники этой дискуссии очень беспокоило говорили о разрыве национальной идентификации и об ущемлении национального самосознания. Говорили, опираясь именно на опыт интеграционных процессов, которые врываются в повседневную сферу французской жизни и французского быта. Но мне кажется, что эта проблема острее стоит в условиях монологической восточноевропейской модели.

Всем интересующимся рекомендую: обратите внимание, вот здесь, буквально на входе, продается последний номер газеты, выпускаемой Союзом писателей Москвы, – "Литературные вести". В этой газете – разворот, посвященный памяти большого белорусского писателя Василя Быкова. И на этом развороте опубликован один из последних его рассказов. Рассказ сатирический, называется "Интеграция". Интеграция осмыслена здесь как стремление вернуться к советизации. Сатирический пафос этого рассказа, его реалии, которые очень прозрачно узнаваемы, подсказываются той реальностью белорусской действительности, в которой живет Белоруссия. И вот в этой связи я хочу сказать, что я понимаю ту белорусскую оппозицию, которая опасается, что под флагом интеграции произойдет и размыв национальной культуры, разрыв национального самосознания. Понимаете, когда белорусский президент, не моргнув глазом, позволяет себе сказать, что он предпочитает выступать и говорить по-русски, потому что он хуже знает белорусский язык, то я, будучи русским человеком, понимаю тех белорусов, которые говорят: "Избави Бог от такой интеграции". Я понимаю сатирический пафос рассказа Быкова, потому что, увы, реалии интеграционного процесса таковы, что они заставляют думать и о том, сохранится ли национальная идентичность, национальное самосознание и

национальная самобытность культуры, как их оберегать, как не допустить размыва.

Я понимаю, что ответ на эти вопросы дадут в будущем реальные процессы. Но, видимо, в данном случае, дело науки – не просто их фиксировать, как они протекают в жизни, а и прогнозировать их дальнейшее развитие, их тенденции. И еще один важный момент. Мне думается, что одним из необходимых стимулов для интеграционного процесса, по крайней мере в сфере культуры, является необходимость взаимопознания исторического опыта как единого исторического опыта.

Инесса Яжборовская (Институт сравнительной политологии РАН):

Я в известной мере продолжу то, о чем говорил Валентин Дмитриевич. Мне довелось заниматься Европейским союзом, интеграцией и тем, к чему мы подошли: идентичностью. Можем ли мы опасаться, что нас сметет, подомнет эта самая интеграция, и от нашей идентичности ничего не останется?

Занятие тем, что происходило в этой области в XX веке, во второй его половине, показывает, что Центральная Европа идет несколько иным путем, чем Россия. Центральная Европа идет путем утверждения своей идентичности. Ей не угрожает интеграция, как каток, который все выровняет. Изучая в последнее время то, что происходит в ее странах, я убедилась, что весь период с 50-х гг. прошлого века наши страны шли сначала по пути потери своей идентичности.

Что произошло в 40-50-е годы? Когда Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы были объявлены мононациональными государствами, была предпринята попытка превратить их действительно в однонациональные, ликвидировать национальные меньшинства. К примеру, белорусы потеряли свой язык, они должны были или уехать в советскую Белоруссию, или объявить себя поляками. Украинцы на это не пошли, украинцев постигла акция "Висла". И другие национальные меньшинства, которых на самом деле в Польше больше дюжины, практически должны были объявить себя поляками. Это была концепция сталинско-коминтерновская, и она проводилась последовательно во всех этих странах. Мы с вами были советскими людьми, мы с вами были носителями флага с надписью "морально-политическое единство советского народа". В Польше тоже укоренялась вот эта самая версия морально-политического единства народа.

А что произошло в тот момент, когда на Польшу пошла огромная волна глобализации? Я сейчас расскажу, что произошло, но сначала хочу подчеркнуть, что волна глобализации – это трансформация. "Бархатные" и прочие революции этих стран – это не что иное, как органическая составная часть глобализации, в которую Польша уже включилась. И включилась, как вы знаете, с очень большими позитивными результатами, так же как и вся Центральная и Восточная Европа. Я имею в виду четыре страны: Польшу, Венгрию, Чехию и Словакию. Все эти страны практически по своему социально-экономическому развитию идут вверх. А к нашему сюжету это относится прямым образом так, что во всех этих странах в самом начале 90-х были утверждены законы, касающиеся национальных меньшинств. И впервые с 50-х гг. меньшинства в этих странах получили закрепленные законодательством национальные права – языковые, культурные и прочие. Нацменьшинства обрели свою идентичность.

Как они сейчас записываются во всех законодательных актах? Они записываются как граждане Польши, но – представители нацменьшинств какой-то определенной национальной принадлежности. Их идентичность имеет массу выражений во всех областях культуры, во всех областях политической жизни. Есть, конечно, проблемы, которые должны еще решаться: как и где писать на национальных языках надписи на указателях на дорогах, в городах, как писать фамилии. Это проблемы, которые еще решаются, но в рамках в целом позитивного, очень важного для всех национальностей подхода.

Проблема идентичности стоит очень остро в центральноевропейских странах. Почему? Потому что на Европу течет сплошной-сплошной поток новых меньшинств. Это масса национальностей Азии, это масса национальностей Африки. Этот процесс идет везде. Поэтому национальная идентичность – это сейчас одна из составляющих этого процесса культурного взаимодействия всех стран Европы. Этот процесс идет, и он нам тоже принесет немало позитивного.

К печати подготовил Якуб Садовский

О ЧЕМ МЫ ГОВОРИМ, КОГДА НЕ МОЛЧИМ

Автор «Сокращенных стихов» Лешек Шаруга — один из зачинателей «Новой волны» в польской поэзии, один из интереснейших ее представителей. Чем была «Новая волна» в истории польской литературы XX века? Вопрос не простой: одни говорят — литературным поколением, другие — течением, третьи — движением, но все сходятся на том, что наверняка не художественным направлением. Самое важное: поэзия «Новой волны» имеет поколенческие признаки, роль инициации сыграли общие переживания в марте 1968 и декабре 1970 годов.

«Новая волна» распространилась на всю Польшу. В Кракове работали Адам Загаевский и Юлиан Корнхаузер (авторы книги «Непредставленный мир», ставшей манифестом поколения), а также Вит Яворский, Станислав Стабро и Ежи Пёнтковский, в Познани — Станислав Баранчак, Рышард Крыницкий и Лех Дымарский, во Вроцлаве — Лотар Хербст и Марианна Боцян, в Лодзи — Яцек Березин, Витольд Сулковский и Здислав Яскула, в Варшаве — Кшиштоф Карасек, Ярослав Маркевич и, наконец, Лешек Шаруга. Все они с пристрастием вслушивались в язык, на котором власти ПНР говорили с обществом, в так называемый новояз, язык пропаганды. В своих стихах поэты разбивали этот язык на первоэлементы, пародировали, передразнивали и тем самым компрометировали его, разоблачали его мошеннический характер. Основными мотивами лирики «Новой волны» были такие понятия, как «язык», «речь», «слово», а кроме того «газета» — символ государственной пропаганды.

Ничего удивительного, что активность поэтов «Новой волны» пришлась не по вкусу тогдашней власти. Большинство поэтов подвергалось цензурным преследованиям. Среди них был и Лешек Шаруга: после событий марта 1968 г. его исключили с философского факультета Варшавского университета, затем его коснулся запрет на публикации. Достаточно вспомнить, что, хотя Шаруга дебютировал на страницах печати в 1967 г., первую книгу стихов — «По правде говоря» — он издал лишь в 1978-м. Поэт печатался в эмигрантских и нелегальных журналах, сотрудничал с польской секцией радио «Свободная

Европа», во время военного положения редактировал независимые журналы «Пульс», «Везване» («Вызов, призыв»), «Выбур» («Выбор»). Выпущенные в неподцензурных издательствах книги стихов «Нет поэзии» (1981), «Чумное время» (1982), «Сквозь стиснутые зубы» принадлежат ныне к библиографическим редкостям.

Читая «Сокращенные стихи», я заглянул и в книги, которые поэт выпустил после общественно-политического перелома 1989 года: «Всё позади» (1991), «Ключ от бездны» (1994), «Сосредоточенность» (1996). Благодаря этому я мог констатировать, что Шаруга необычайно стоек в своих интересах. Как и раньше, во времена коммунистических притеснений, главная тема его поэзии — язык, но теперь не язык пропаганды и не язык будничных разговоров, а язык как способ познания, язык как таковой. Если прежде Шаругу интриговал язык в политическом контексте, то теперь — в контексте философском. В программной статье, озаглавленной «Несколько интуитивных догадок касательно поэзии», опубликованной как вступление к вышеупомянутому «Ключу от бездны», он констатировал — ни больше ни меньше, — что поэзия есть «орудие познания миров, которые, согласно природе вещей, находятся вне сферы нашего сознания, но несмотря на это определяют смысл нашей жизни», а также что «писать стихи значит выходить за пределы логики временных высказываний — я описываю в них не только то, что произошло во времени, но и то, что могло или может произойти».

После чтения «Сокращенных стихов» в набор слов-ключей к поэзии Шаруги надо добавить «молчание». Для поэта важно не только то, о чем он говорит, но и то, о чем он не говорит, ибо об этом говорить невозможно. Нет сомнения: о том, что невозможно высказать, следует молчать. В стихотворении «!» поэт предупреждает — не самого ли себя? — «ты блуждаешь от слова к / слову»; в «Переменах» просит: «Выслови это в речь вымолви в / молчание вmolви в исток (это / и есть та речь плавно изреченная)», а в стихотворении «Впереди письма»:

Беги впереди письма следуй за
собой в предсонную тишину будь
готов к слову но не говори
прежде времени
а когда придёт время отговорись

чем-нибудь

и молчи

Знаменательно, что когда автор «Сокращенных стихов» обращается к творчеству других поэтов, то не к поэзии своих ровесников из «Новой волны», а к традиции авторов на поколение старше: Мирона Бялошевского, Тимотеуша Карповича и своего отца Витольда Вирпши, которые создали в 60-е годы оригинальное течение «лингвистической поэзии» — современной и герметичной. В стихотворении «В молчании» Лешек Шаруга пишет: «Между словами / и между нами говоря / мы обретаем себя / в молчании», — давая нам понять, что роль поэта, независимо от того, куда дует ветер истории, — извлекать слова из молчания, то есть возвращать им элементарные значения. И тем самым заставить нас задуматься, о чем же мы говорим, когда не молчим.

Лешек Шаруга. Сокращенные стихи. Краков, «Миниатюра», 2004.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Зависимость

Мой знакомый не
понимает

поэзии. Ну и ладно. Однако

поэзия не понимает

его. И с этим

надо что-то делать.

Стихи как ответ

на стихи на память на

согласие на забвенье на

всегда

на все стихи

не отвечают

за мир за что угодно за

утраты катастрофы
нехватку

земли воды воздуха за

себя

1

.

1

.

2

0

0

4

Песня дрозда перекрывает грохот бетономешалки.
О чем он поет? Идет война. Не здесь, где-то далеко
вспарывают воздух свинцовые пчелы. Они ищут
покоя в ульях человеческих тел. За окном
моего дома цветут розы и
белая сирень. А там, возле Косова Поля,
за семью реками, за семью горами,
людям отрезают головы и, схватив за волосы,
фасуют в коробки из-под ботинок. Как же так? Мой
сосед, барабанщик, весь день репетирует. Вечером
ему играть в дискотеке. Завтра, в утренней тишине
снова засвищет дрозд и разбудит демонов.

Et in Arcadia ego

Там, за горизонтом событий,
где Три Дерева бросают тень
на ветер, ничего не происходит, и только
у людей глаза открываются на
всегда

Кратер

Шрам скального
распада, продольный
рубец, покрытый утренней
росой. Запекшийся
сгусток лавы, скованный
языком ледника. Кипящее
нутро планеты

засыпает,

остывает...

Конец войны, начало

(ангажированные стихи)

названия стран городов рек гор озер
раненных

снарядами тысячи миллионы
жертв до нас и

после нас кровь страх пот руины
слезы кричащие

заголовки газет взрывы букв слов
предложений

образов взрывы ярости гнева
радости а потом

в музеях оружие прошлых эпох
орудия

пытток в учебниках перечень дат
описания

полей битвы фамилии вождей
реестры насилия

все что только хотите что хотите
так оно все и идет с этим

приходится жить потому что иначе
попросту жить невозможно

Любовное!

Иоанне

у меня был

инфаркт

я слышал

как билось

сердце

моей

жены

Диалог

— Что вы делали; — Я писал

стихи; — когда стреляли в

людей; — о цветах.; — Вы;

— Я; — равнодушны к чужой

беде; — старый человек.

— Ваши стихи; — я тонко чувствую;

— ничего не стоят; — красоту.

Между

*Станиславу
Баранчаку*

Между правом голоса и голосом

права есть зазор

откуда вылетают стихи

белые вороны надежды

Между силой права и правом

силы есть пространство

где рождаются строфы боли

где растет горький куст правды

Между голосом силы и силой

голоса

все громче ропот бессильных

попавших в капкан бесправия

Licentia poetica

1.

Главная опасность

кроется в библиотеках. Старые
газеты

следует сжигать. В том числе

и вчерашние. Вчерашний

прогноз погоды оказался

точным. А может, и

нет. Сегодня уже неизвестно,

как было на самом деле.

Однако известно, что всё

было не так, как надо. А совершенно

иначе.

Только из настоящего можно

безошибочно вывести прошлое.
Только

сегодня можно предвидеть

то, что было вчера. Память это
гипотеза,

не поддающаяся проверке.

2.

Главная опасность

кроется в поэзии. Надо

запретить абсолютно все слова.
Исключить

даже паузы. Они слишком

красноречивы. Молчание

многозначительно. Значит, следует

запретить молчание.

Поэзия, да

То же самое, все то же самое, хотя изменилась
Тональность, из языка в язык, через истлевшие
Книги. Невероятно, но веришь, ибо что
Остается, волокна между зубами, слово,
Обращенное в прах, голоса
Умерших, затихающая симфония
Океана, дымка мысли. Волны
Повторов выполаскивают значения, погибают
Языки, вымирают нации, слышится новый тон.
Выбери язык, попробуй исчерпать его, на дне
Ты найдешь свою биографию, записанную
Шифром, которого тебе не разгадать,
Ибо он возник после твоей смерти. Ты живешь,
Не уверенный ни в чем, ибо не знаешь, что
Твое. А твой — весь мир и ты сам. Ты возвращаешься
В повторах, вечно рассказывая
Одну и ту же историю, которую кто-то расскажет
Совсем по-другому, и будет так, как
Должно было быть. Ты же знаешь:
Поэзия это не поэзия, это только
Стремление к ней, а поэзии — нет.

Спасенный

Спасен
но от чего не
знаю и не

ПОМНЮ

веду-то себя

хорошо вот только —

куда?

Перевод Андрея Базилевского

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Поляки все чаще встречают Новый год на массовых гуляньях под открытым небом. В нынешнем году этому способствовала исключительно теплая погода. Выступления известных исполнителей, фейерверки и праздничная атмосфера привлекают огромные толпы народу. На этот раз, как и в прежние годы, больше всего народу собралось на краковской Рыночной площади. Варшава же была переименована в город ангелов, в честь чего на эстраде возле Дворца культуры и науки прошел конкурс на самый красивый "ангельский" костюм. Дворец послужил также фоном для великолепного фейерверка, который устраивается здесь регулярно, начиная с 2000 года: сначала на Новый год, а затем в начале января, в день финала Большого оркестра святочной помощи, когда вверх летит "Огонек к небу".

• "Дворец культуры и науки – классический образец архитектуры соцреализма и свидетельство завершившейся исторической эпохи. Тем самым он отвечает критериям, позволяющим признать его памятником архитектуры", – говорит главный инспектор по охране памятников. Таким образом, у возведенного в 1955 г. в самом сердце Варшавы по проекту архитектора Льва Руднева дара советского народа, который прежде считался символом гнета и неволи, есть шанс стать символом новой Варшавы.

• "Такие места, как Торговый дом братьев Яблковских, – неотъемлемые элементы пейзажа нашего города, подобно "Веделю" или "Бликле" [известным старым кондитерским фирмам, возобновившим свое существование после 1989 года]", – утверждают члены Общества друзей Торгового дома братьев Яблковских. Не исключено, что конфискованный в 1950 г. Торговый дом будет возвращен прежним владельцам. Между тем общество развернуло свою культурную деятельность: в соседнем здании открылась галерея искусств, в которой будут проходить выставки и театральные спектакли. На открытии выступили исполнители музыки хип-хоп, варшавский шарманщик и уличный театр. Кроме того, прошла выставка документов, посвященных юбилею фирмы. "Галерея продолжает довоенные традиции семьи Яблковских, которая

занималась не только торговлей, но и общественной и культурной деятельностью, – говорит член общества Гражина Шидловская. – Еще здесь были столовая, библиотека и центр матери и ребенка".

• "Паспорт "Политики"" – одна из важнейших польских культурных премий. "В двух словах групповой портрет наших лауреатов можно описать так: они происходят из разных уголков Польши – от Гданьска до Новой Гуты, – но среди них нет ни одного представителя Варшавы. Это еще раз подтверждает уже не новый тезис, что самое интересное все чаще происходит вне столицы", – пишет заведующий отделом культуры еженедельника Здислав Петрасик. Представляем вам лауреатов этого года и краткие обоснования решений жюри: премия в области литературы – Славомир Схуты с романом "Куча" за литературный слух, страстность и смелость в изображении польской действительности; в области кино – Войтек Смажовский с фильмом "Свадьба" за мастерскую режиссуру и бескомпромиссный показ непривлекательного лица наших будней; в области театра – Павел Шостак, создатель и директор познанского театра "Бюро путешествий", за ведение мудрого, доброжелательного диалога со зрителями в традиционном театре и театре-офф; в области визуального искусства – Цезарий Бодзяновский за фантазию и последовательность, за спокойное и бескорыстное искусство, вырывающее нас из рутины повседневности; в области серьезной музыки – композитор и вокалистка Агата Зубель за необыкновенные вокальные образы, за сценическую индивидуальность и за то, что она умеет гармонично сочетать сочинение музыки с исполнением; в области эстрадной музыки – Лешек Можджер за прекрасное чувство импровизации, музыкальное воображение и всесторонность, благодаря которой польский джаз обрел новое дыхание и новых поклонников.

• Лешек Можджер и его давний учитель и кумир Адам Макович, который старше его на целое поколение, стали героями записанного в нью-йоркском Карнеги-холле концертного альбома "Макович против Можджера". Рекламная кампания этого диска в Польше началась с серии концертов в Варшавской филармонии. Можджер, чей сольный диск "Piano" стал хитом сезона, "дает десятки интервью, в т.ч. и иллюстрированным журналам, – пишет рецензент "Газеты выборчей". – Он сделался модным, несмотря на то что играет музыку трудную, требующую от слушателя полной сосредоточенности. И он не намерен принаровляться к вкусам массового слушателя (...) Из пианиста, известного узкому кругу поклонников джаза, и

высоко ценимого сессионного музыканта он превратился в идущую нарасхват звезду".

- "Если бы дебютантам дали шанс, то сегодня в СМИ и рейтингах музыкальных бестселлеров нашим глазам предстала бы совершенно иная музыкальная Польша. Но кто осмелится сделать это? – вопрошает в "Политике" Мирослав Пэнчак, оценивая польский музыкальный рынок и направляя острие атаки прежде всего против СМИ. – Вездесущий поп, записи одних и тех же заграничных и отечественных звезд плюс развлекательная версия хип-хопа (...) почти полностью заполняют эфир радиостанций и музыкальные программы телевидения (...) Вопреки тому, что как-то раз, еще в бытность членом жюри "Идола" [программа телевидения "Польсат", которая по замыслу должна искать новые таланты], сказал Мацей Маленчук ("Молодежь подражает старикам, а поскольку старики плохи, то молодежь еще хуже"), с новой, но еще малоизвестной новой волной польских исполнителей все не так уж плохо". Приведем вслед за Пэнчаком несколько фамилий и названий групп: Моника Бродка, Эвелина Флинта, Марек Дыяк, Стась, "Паника", "Братки из Ракемно", "Nonconcerto", "Rootwater".

- О конце кризиса польской эстрадной музыки пишет и Роберт Санковский в "Газете выборчей", обращая, однако, внимание не на тех исполнителей, которые еще дожидаются, когда их откроют СМИ, но на тех, кто уже успел снискать известность. Для Санковского открытием года стала "Капелла из деревни Варшава", которая "доказала, что польская народная музыка (правда, исполняемая в достаточно современной и свежей манере) может быть привлекательна для мира". Капелла, получившая диплом на ежегодном конкурсе Би-Би-Си, весь прошлый год провела в концертных турне по всему миру. Увенчанием прошлогоднего успеха стала запись музыки к новой версии знаменитой компьютерной игры "Myst". Если же говорить о польской эстрадной музыке в целом, то здесь главным событием Санковский считает организуемую Юреком Овсяком "Остановку Вудсток", на которую ежегодно приезжают несколько сот тысяч молодых фанов.

- Год назад в Берлине состоялась премьера "Пиковой дамы" Чайковского в постановке Мариуша Трелинского с несравненным Пласидо Доминго в роли Германа. А недавно прошла варшавская премьера оперы, сценографию к которой подготовил Борис Кудличка. "Варшавскую "Пиковую даму" следует рассматривать как совершенно новый спектакль, – пишет Яцек Гаврилюк. – Трелинский известен тем, что

постоянно экспериментирует и изменяет свои прежние постановки. В случае варшавской "Пиковой дамы" речь идет о совершенно новой постановке, тем более что режиссер отказался от некоторых секвенций и сменил почти 80% декораций. Варшавская "Пиковая дама" получилась значительно менее аскетической, чем берлинская (...) Это спектакль более экспрессивный, динамичный, насыщенный цветами и сценографическими контрастами. Режиссер создал восхитительное зрелище".

- "В труппе Лодзинского оперного театра есть артистка, ради которой стоило ставить эту оперу, а теперь стоит ее посмотреть, – пишет Яцек Марчинский о другой оперной постановке, "Лукреции Борджа" Доницетти. – Даже если Иоанне Вось не всегда удастся поддерживать одинаково высокий вокальный уровень, в ее пении есть поистине восхитительные моменты. Она создает образ из простых жестов и движений. Кроме того, Вось овладела главным в искусстве бельканто: она умеет передать характер своей героини одним голосом, находя нечто важное почти в каждой ноте".

- "С глубокой скорбью сообщаем о кончине Феликса Ласского, который ушел от нас внезапно – умер спокойной смертью в собственном доме 21 декабря 2004 года", – написала в некрологе семья великого мецената польского театра. Ежегодно присуждаемые "Феликсы", учрежденные Ласским премии его имени, – одни из самых вожделенных трофеев каждого варшавского театрального сезона. А финансовые дотации Ласского помогли многим польским театрам.

- О новом польском театре и драматургии, использующей репортерский опыт, пишет в газете "Жечпосполита" Яцек Цесляк: "В конце 2001 г. I Неделя смелого искусства в радомском Театре им. Кохановского дала импульс к созданию "новых текстов, бескомпромиссно обнажающих проблемы современности" (...) Радомский конкурс проводится уже четвертый год подряд, а награжденные на нем авторы сотрудничают сегодня с театрами по всей Польше. В 2001 г. первую премию получила пьеса "С сегодняшнего дня мы будем хорошими" Павла Сали, который сегодня сотрудничает с краковским Старым театром. Марек Модзелевский представил в Радоме пьесу "Убей меня" – в последнее время в афише варшавского Национального театра появилась его "Коронация". Национальный поставил также "Песочницу" другого лауреата радомского конкурса Михала Вальчака. "Песочницу" поставил и Театр им. Шанявского из Валбжиха, а

плодом дальнейшего сотрудничества с этим автором стал нашумевший спектакль "Шахта", который, в частности, был показан в Париже. В Радоме были награждены также "Токсины" Кшиштофа Бизе и "Пункет" Шимона Врублевского – повесть о приключениях польских подростков, идущая в Гданьске, Варшаве и Вроцлаве".

- После успеха фильма Магдалены Пекож "Полосы" и книги "Гниль" Войцеха Кучока, по которой поставлен фильм, режиссер и писатель подготовили новый совместный проект – монодраму "Доктор Хауст", поставленную в варшавском театре "Студио" и сыгранную Михалом Жебровским. "Спектакль рассказывает о психоаналитике с пятилетним стажем, для которого лечение брошенных людей стало формой бегства от собственного одиночества, – говорит Магдалена Пекож. – В "Полосах" мы задались вопросом, может ли любить человек, который не был любим. Теперь мы спрашиваем, может ли одинокий человек помочь другим избавиться от одиночества".

- На прошедшем в Варшаве IV Международном кинофестивале Хельсинского фонда по правам человека жюри и зрителей больше всего потрясли фильмы о нарушении прав человека в Северной Корее. Особенно сильное впечатление произвели два документальных фильма работающей на Би-Би-Си польки Эвы Эварт (см. интервью с ней на стр. 28) о северокорейских концлагерях – "На оси зла – страна тихой смерти" и "Постскрипtum". "Чтобы снять фильм, – сказала на специально организованной встрече Эва Эварт, – я предложила в лондонском посольстве КНДР сделать его главной темой позицию Северной Кореи по вопросу сокращения ядерных вооружений. В октябре 2003 г. мы с оператором и журналисткой Оленой Френкель отправились в Пхеньян. К нам приставили опекунов, которые показали нам мавзолей великого вождя Ким Ир Сена, продемонстрировали национальные виды спорта и народные танцы. Мне уже казалось, что я не сниму этот фильм. Позднее, в Южной Корее, среди беглецов из КНДР я встретила людей, которые знали о существовании лагерей и показали мне документы. Мы сконцентрировались на этой теме. Мы несколько раз проверяли рассказы наших героев – эти фильмы не врут".

- Польская википедия (всеобщая интернет-энциклопедия, статьи к которой может дописывать каждый интернавт) насчитывает уже 50 тыс. статей. Тем самым она вошла в число самых крупных википедий в сети. Насколько мне известно, до сих пор свыше 50 тыс. статей насчитывают только английская, немецкая, французская и шведская википедии.

- В очередную годовщину введения в Польше военного положения ТВП показало передачу, посвященную I Смотру правдивой песни, который прошел в ноябре 1981 г. в гданьском комплексе "Оливия" – том самом, где месяцем раньше завершил свою работу I съезд "Солидарности". В эфире ТВП впервые прозвучали записанные тогда песни, такие, как получившая "Золотой кляп" песня Яна Тадеуша Станиславского "Учила меня мама не бояться хама, поскольку хам есть хам – он боится сам". На всех концертах зал ломился от публики, которая улавливала любой малейший подтекст. Песни исполняли Яцек Качмарский, Анджей Росевич и многие-многие другие, а зал был оклеен лозунгами: "Хочешь знать "Правду" – читай "Трибуну люду"!" Сегодня нам осталась только память об атмосфере тех дней да несколько песен. И, к сожалению, почти ничего больше.

- Премию Польского радио "Великий блеск", присуждаемую за выдающиеся актерские достижения и творческий вклад в развитие артистического радио получил актер Мариан Опаня, известный также своими многочисленными ролями в театре и кино.

- "Славное наследие или проклятое наследство? Сарматские традиции в искусстве и культуре" – так называется выставка, открывшаяся в познанском Национальном музее. "Есть ли у современных поляков характерные национальные черты? Если да, то каковы их корни? Положительные они или отрицательные?" – таковы вопросы, на которые пытается ответить экспозиция. Ивона Торбицкая пишет о ней: "Главная цель выставки – показать и напомнить характерные черты польского барокко, сарматских обычаев, религиозности, искусства и найти их следы в современности (...) Эту выставку нельзя пропустить, ибо она ясно показывает, что хотя сарматство было идеологией польской шляхты на рубеже XVII–XVIII веков, как ментальная категория он жив до сих пор. А не зная традиции, мы не сможем ответить и на вопрос, что она для нас: славное наследие или проклятое наследство?"

- Большое замешательство вызвало недавнее появление на рынке произведений искусства картины Александра Герымского "Мальчик, несущий сноп", которая до сих пор считалась утерянной. Сенсацию усиливал тот факт, что выставленное на аукцион произведение одного из самых выдающихся польских художников XIX в. за день до начала аукциона было снято с публичных торгов. В конечном итоге своим правом первенства воспользовался вроцлавский Национальный музей, который к дотации министерства

культуры прибавил деньги, полученные от частного спонсора. Это была дороже всего оцененная картина, проданная в этом году аукционным домом "Штука" ("Искусство"). О тенденциях, наметившихся в последние годы на польском рынке произведений искусства, пишет Моника Малковская: "Больше всего рекордов на аукционном рынке было побито в 2000 году: целых семь работ достигло тогда цен свыше миллиона злотых, а самая дорогая – "Потерпевший кораблекрушение" Генрика Семирадского – была продана за 2,13 миллиона. Все самые дорогие произведения были созданы в конце XIX или начале XX века, цены же работ, созданных после II Мировой войны, не превышали 30–40 тысяч. Два года назад оказалось, что торговать "модерном" становится выгодно, тем более что на нашем рынке наметился недостаток академических полотен высокого класса, зато появились интересные объекты, созданные за последние полвека. 2003 год был еще более благосклонен к послевоенному искусству, а композиции Анджея Врублевского впервые в истории достигли цен, сравнимых с классикой. В прошлом году суммы, за которые покупали классику и работы близкие к нашему времени, еще больше выровнялись". Самые серьезные польские аукционные дома – это "Агра", "Польвисс", "Штука" и "Ремпекс".

- В Лодзинском музее искусства открылась ретроспективная выставка группы "Лодзь Калишская". В связи с этим событием Петр Сажинский написал: "Обычно в историю искусства входят. "Лодзь Калишская" влетела в нее через дымоход, устроив при этом страшный тарарам (...) Нельзя не уделить внимания феномену, просуществовавшему четверть века – начиная со времен Герека, военного положения и кончая эпохой галопирующего капитализма (...) Конечно, у группы гораздо больше поводов для гордости, чем одно лишь долголетие (...) В стране, где выше всего ценились трагические артисты и мрачное искусство, призывающее к борьбе, они решились демонстративно соединить шутку с нонсенсом (...) Залы, ассоциирующиеся с авангардным творчеством Кобро, Стшеминского или Стажевского, заняли анархисты и насмешники, которые ставили перед искусством новые задачи совершенно иным образом". В группу входят Марек Яняк, Анджей Кветневский, Адам Жепецкий, Анджей Светлик и Анджей Велегурский.

- В декабре состоялся торжественный финал общественной кампании "Вся Польша читает детям". Инициатором этой продолжающейся уже три года акции стал фонд "АВС-XXI – Программа эмоционального здоровья". "Наша цель – благо детей и их нормальное психическое, умственное и

нравственное развитие, – говорит председатель фонда Ирена Козьминская. – Современные дети получают все меньше того, что необходимо для их эмоционального здоровья: родительского времени и любви, упражнений в мышлении и развитии языка, добрых примеров поведения. Мы наносим детям невосполнимый ущерб, ограничивая контакт с ними до необходимого минимума и давая им взамен удобные для нас суррогаты: телевизор и компьютер".

• И наконец – польские литературные бестселлеры прошлого года. На первом месте – Катажина Грохоля ("Я вам покажу!"), на втором – Катажина Грохоля ("Никогда в жизни"), на третьем – Катажина Грохоля ("Сердце на перевязи"). Дальнейшие места распределились уже более разнообразно. Четвертое занял Рышард Капустинский ("Путешествия с Геродотом"), пятое – Ежи Пильх ("Город терзаний"), а далее идут Януш Гловацкий ("Из головы"), Анджей Сапковский ("Божьи воины") и Войцех Кучок ("Гниль"). Где-то между Грохелей и Капустинским оказался Норман Дэвис со своим "Восстанием-44", но не совсем понятно, причислять ли его к польской литературе или все-таки к английской.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Дело Малгожаты Незабитовской, пресс-секретаря первого польского независимого правительства после 1989 г., стало одной из сенсаций процесса люстрации, который идет в Польше вот уже несколько лет. Перед Институтом национальной памяти, учрежденным для изучения, в частности, и таких вопросов, стоит очень трудная задача: так упорядочить материалы, унаследованные от спецслужб ПНР, чтобы на их основе иметь возможность исключить из публичной жизни лиц, скрывающих тот факт, что они сознательно сотрудничали с этими службами. Дело затрудняется еще и тем, что часть материалов была уничтожена, хотя знатоки утверждают, что даже эти уничтоженные документы можно частично восстановить. И совершенно очевидно, что знать об этом полезно: нельзя потерпеть, чтобы государственные и общественные посты занимали люди, утаивающие свое сотрудничество с госбезопасностью: таких людей легко шантажировать. Поэтому неудивительно, что люстрационные процессы возбуждают довольно сильные чувства.

Незабитовскую публично называли агентом. По этому вопросу высказывается Кшиштоф Козловский, министр внутренних дел в правительстве Мазовецкого, где Незабитовская была пресс-секретарем, а в 70-е годы осужденный за сотрудничество с парижской "Культурой". В интервью, озаглавленном "Дело Малгожаты Н.", которое он дал "Тыgodнику повшехному" (2005, №1), он, в частности, комментирует поведение на допросах и подписи под "заявлениями о лояльности" во время военного положения:

"Конечно, болтовня на допросе достойна сожаления. Точно так же, как подпись под заявлением о лояльности. Но следует ясно сказать: потрясенные введением военного положения, тысячи людей глупо вели себя на допросах. Сегодня им за это стыдно. Многие из них подписали „лояльки" или документы, которые можно считать таковыми. Это нередко люди известные, видные, совершенно порядочные. Если мы сочтем тот факт, что человек один раз раскололся на допросе или подписал „лояльку", равнозначным сотрудничеству с органами

госбезопасности, нам придется перестроить все наше мышление о прошлом. Даже закон о люстрации, определяя сотрудничество, ставит условие систематических и добровольных контактов. (...)

Я упорно повторяю, что достоверность органов сомнительна. Ни одному офицеру ГБ на самом деле не было важно объективно описать положение в стране. Нет, они допрашивали, занимались слежкой, вербовали не для того, чтобы установить истину, а чтобы приспособить результаты своей работы к сценарию, который в тот или иной момент спускало им начальство. Недобросовестность документов МВД ПНР состоит не в том, что кто-то подменил страницы либо подделал документ, вычеркивая или вписывая какие-то фрагменты. Эта недобросовестность состоит в том, что документы МВД содержат сведения, профильтрованные следователем или оперативником – а он не был объективен. Вдобавок они часто обманывали начальство: чтобы продвинуться в карьере, получить прибавку к зарплате или положить в карман какую-то сумму из оперативного фонда. (...) Достаточно было несколько раз вызвать человека, который добивался заграничного паспорта, потом еще несколько раз вызвать его по возвращении из-за границы. Всякий так или иначе объяснял, почему хочет выехать, потом хотя бы частично рассказывал о впечатлениях от поездки. Встречи были, можно было написать какой-никакой рапорт, дать человеку кличку и похвалиться новым сексотом. Но было ли это действительно сотрудничество? Пожалуй, нет".

Что ж, это "пожалуй" остается, пожалуй, важным. Уверенности ни у кого так и не будет, а отсутствие уверенности оставляет широкое поле для истолкований поведения людей, документированного в бумагах спецслужб. Это, разумеется, разжигает страсти. И должно разжигать, ибо – хоть бы не знаю как пренебрегать поведением людей на допросах – вопрос расчета с прошлым остается одним из основополагающих. В конце концов это не только польская проблема: с тем же самым мы имеем дело во всех постсоветских странах, но с этими вопросами по-прежнему трудно справиться и в отношении более далекого прошлого, в особенности сотрудничества с нацистским режимом, и не только в самой Германии, но и, например, во Франции. Граница между сопротивлением и коллаборантством во многих случаях оказывается смазанной, неясной. Эти неясности сегодня не так легко уловить. Множатся сомнения, накапливаются обвинения. Останется ли всё "в семье", как внушает заглавием своей книги Томаш Лубенский? Где проходит граница между тем, что человек

мимолетно сломился, и тем, что он согласился на "постоянное сотрудничество"? Козловский подчеркивает:

"Генерал Кищак, будучи министром [внутренних дел], требовал от своих подчиненных, чтобы у каждого офицера „на контакте" было не меньше 12 сексотов. Не каждый был в состоянии завербовать, а потом вести столько агентов. Тогда он мог ухватиться за спасательный круг – рапортовать начальству о фиктивных сексотах: записывал в их число тех, кто как будто и готов был к сотрудничеству, но никак до конца не сломится".

Некоторые, однако, сломились. Как к ним относиться? Ответ на этот вопрос ищет архиепископ Юзеф Жицинский в статье "Между героизмом и предательством" ("Жечпосполита", 2005, №6):

"Основополагающим сведениям о методах вербовки сексотов должны сопутствовать столь же основополагающие сведения, показывающие драму тех, кого ломали. Прежде всего мы не имеем права оставить в одиночестве тех, кто спустя годы живет с трагическим чувством вины и даже, если нашел силы покаяться в этом на исповеди, ищет очищения перед лицом общественности. (...) "

Самая простая форма политики страуса перед лицом нравственных заболеваний, вынесенных из ПНР, – радикальное предложение отвергнуть медицину как таковую и разбить все градусники. (...) Авторы такого предложения неумышленно возводят тех сотрудников генерала Кищака, которые старались уничтожить досье, когда ПНР клонилась к концу, в ранг крупнейших авторитетов в области расчетов с историей. Если бы тогда их планы удалось осуществить, сотрудники спецслужб могли бы сегодня спать спокойно, разве что плоды их деятельности сохранились бы в архивах Штази или иных, если человек одновременно работал на спецслужбы разных стран".

Архиепископ, правда, не упоминает о такой возможности, при которой, с одной стороны, у нас все досье были бы уничтожены, а с другой – их копии хранились бы у бывших гебешников, способных шантажировать людей по своему выбору. Однако он прав, когда пишет:

"Циклически возвращающиеся доводы против люстрации подобны идее-фикс человека, который, признавая, что земля на самом деле не совсем плоская, тем не менее требует из практических соображений согласиться с тем, что она плоская. Точно так же для быстрого построения демократии полезным может оказаться строительство ее на иллюзиях и полуправдах

и последовательный уход от важнейших вопросов о нравственных принципах. (...)

Нынешняя ситуация выглядит иррационально, так как главную группу, свободную от обвинений в секретном сотрудничестве, составляют те, кто занимался открытым сотрудничеством. Эта патология хорошо видна хотя бы при оценке двух сменивших друг друга пресс-секретарей правительства. Известный своим цинизмом глашатай властей ПНР [Ежи Урбан] выступает сегодня в роли моралиста (...). Зато о той, что его сменила [Малгожате Незабитовской], все стремятся говорить в категориях измены идеалам „Солидарности“, так как в критический момент одинокой борьбы она не сумела продемонстрировать героическую отвагу нестигаемых. Так нельзя воспринимать драмы истории. Надо сохранять основные пропорции в оценке степени нравственного зла; надо учитывать различные оттенки героизма и слабости, отчаяния и предательства.

Бывшие работники органов ни в коем случае не могут навязывать нам моральную квалификацию. Сам факт включения чьей-либо фамилии в список сексотов означает только одно: что органы включили ее в этот список. Однако это никого не уполномочивает тут же бросать обвинения в предательстве, ибо, испытывая ответственность за слово, надо сначала доказать это предательство на основании более серьезных данных, чем записки следователя. (...)

В публикациях неприлично низкого уровня часто повторяются резкие обвинения: тот или иной человек несомненно сотрудничал с властями, так как удалось установить его оперативную кличку. Между тем из самых элементарных сведений известно, что в документах МВД клички давали не только сексотам, но и людям, которые еще ни разу не встречались ни с одним работником органов или даже подвергались систематической слежке тех же органов".

Жицинский подробно анализирует различные методы работы спецслужб, показывая, что выводы, которые можно извлечь из оставленных ими записей и заметок, не всегда верны:

"На основе доходящих до меня со всех сторон различных сведений о всё новых и новых списках сексотов я имею право считать, что – если эти списки не являются обычной провокацией – в них включали также фамилии тех, кто никогда не писал доносов на людей. Перед тем как сформулировать резкие обвинения, следует, таким образом, проверить, не содержало ли досье материалов, в которых

решающую роль играет амбициозный офицер, ищущий возможности применить новые оперативные методы".

Однако прежде всего органы использовали классические методы:

"Ломать характеры в те времена было методом отправления власти. И сегодня „поиски крючков" на конкретных лиц функционируют как постоянно возвращающаяся волна, напоминающая институциональную патологию ПНР. Не все были в силах противодействовать этой патологии. Из того, что кто-то не остался несгибаемым, еще не вытекает, что этого человека надо считать предателем. Вместо простых квалификаций, основанных на домыслах, нужно увидеть драму человека, который на определенном жизненном этапе не сумел устоять на высоте задачи. Надо присмотреться к нему, чтобы точно распознать, был ли он сотрудником системы порабощения или же сам стал жертвой этой системы, ибо не сумел оказать категорическое сопротивление, когда это было его нравственным долгом. Ни в коем случае нельзя замазывать различия между теми, кто годами писал доносы и получал за это плату, и теми, кто – сломившись во время очередного допроса – затем сумел вырваться из заботливых лап МВД".

Подводя итоги, Жицинский пишет:

"Предложение прийти с духовной помощью тем, чьи фамилии оказались в списках сексотов, не вызывает восторга, ибо многие профилактически опасаются, что, займись они этим, это будет воспринято как форма самозащиты или защиты кого-то из близких. Молчание авторитетных людей способствует деятельности ловцов скандалов, охотящихся на всё новые сенсации. В такой атмосфере исчезает нравственное выражение человеческих драм, а те, кто давно понял свою ошибку, становятся одинокими и беспомощными перед лицом осуждающей их общественности. Если даже они решились пройти духовное очищение в таинстве покаяния, их мучит мысль, что когда-нибудь их внуки будут стыдиться за них после оглашения содержания текстов, которыми бабке по меньшей мере не приходилось гордиться. Это не такой малый круг людей: незадолго до конца ПНР число сексотов достигало 90 тыс. человек; прибавим к этому ближайших членов семьи и потомков, ныне приходящих на свет.

Учитывая сложность и размах проблемы, я предлагаю использовать положительный опыт созданной в ЮАР Комиссии истины и примирения, во главе которой стоял епископ Десмонд Туту. Ее работа свидетельствовала о том, что в драме

зла нравственные оценки могут быть куда важнее простого осуждения. (...) Глядя реалистически, следует предупредить, что далеко не все одобряют польское повторение положительного африканского опыта. Некоторым подобная практика приведет на мысль самокритику, некогда применявшуюся внутри ПОРП. Но все-таки ассоциации, приходящие на ум партийному активу, не должны определять нормы действия всего остального общества, особенно если вышеупомянутая самокритика вытекала прежде всего из тактики, чуждой всяким нравственным категориям. Критический скептицизм некоторых кругов не изменит того факта, что другие круги обретут на предлагаемом пути душевный покой (...).

Не следует пренебрегать действиями, которые сочтет нужными лишь часть общества. В одних и тех же условиях один разбойник насмеялся над Иисусом, другой просил Господа помянуть его. Второй разбойник почитается церковным преданием как святой. Парадоксальное определение "святой благоразумный разбойник" можно отнести не только к участникам драмы на Голгофе, но и к людям, запутавшимся в новейших польских драмах. Не ожидая стопроцентного показателя обращений, следует облегчить растерянным возможность примириться с собственной совестью, с ближними, с Богом".

Да - но, разумеется, тогда лишь, когда перед нами открытое исповедание грехов.